

Slavery: Theory and Practice

Issued since 2016.

E-ISSN 2500-3755
2024. 9(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Peretyatko Artyom – Cherkas Global University, Washington, USA (Editor in Chief)

Molchanova Violetta – Cherkas Global University, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Akhalmosulishvili Teimuraz – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Bellagamba Alice – Università degli Studi di Milano-Bicoccadisabled, Milan, Italy

Declich Francesca – Università degli Studi di Urbino Carlo Bodisabled, Urbino, Italy

Garunova Nina – Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Goncharenko Anatoliy – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Makhortykh Sergei – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Zacek Natalie – University of Manchester, Manchester, UK

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1, Washington, District of Columbia 20036

Release date 03.12.24

Website: <https://stp.cherkasgu.press>
E-mail: dudarev51@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global University

Order № 9.

Slavery: Theory and Practice

2024

Is. **1**

CONTENTS

Articles

Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813) A.Yu. Peretyatko	3
Comparative Analysis of the Trans-Atlantic and Trans-Saharan Slave Trade S.N. Gonta	23
June 19 – “Slave Liberation Day”: A Historical Essay to the 160th Anniversary for the Abolition of Slavery in the United States I. Koshkin	33
Michael Hamilton Jameson (1924–2004): Biographical Touches for the 100th Anniversary of His Birth A. Mamadaliev	40
Human Rights Abuses under Diplomatic Protection: The Issue of Modern Slavery and Forced Labor V.M. Zavhorodnia	48

Letters to the Editorial Office

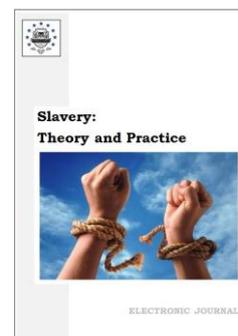
About the Results of the 5th International Competition “Slavery in the past and present” A.A. Cherkas	59
---	----

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2024. 9(1): 3-22

DOI: 10.13187/slave.2024.1.3
<https://stp.cherkasgu.press>

Articles

Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The article is dedicated to the social structure of the Russian Empire subjects in the Emirate of Bukhara. The main source for its description is the previously uninvolved into scientific circulation materials on the failed 1813 visit to Bukhara by Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the purpose of transporting Russian Empire subjects from there.

The article concludes that, despite statements by a number of Russian diplomats and military about grievous suffering of Russian captives in Bukhara, the real number of Russian slaves in the Emirate of Bukhara in the 19th century was relatively small. As estimated by P.I. Demezov, in the 1830s in the Emirate of Bukhara there were only about 500 “Russian captives”. When in the 1853 N.P. Ignat’ev was centrally liberating Russian slaves in Bukhara, only 10 people returned to Russian Empire, because others were “Bukharized”. But, according to S. Nur-Aliev and some other authors, a significant number of runaways from Russian Empire lived in Bukhara, who were afraid to return without pardon.

At the same time the article shows that the problem of liberating slaves was extremely important to Russian officials, sometimes even interfering with their ability to perceive reality. Thus, even though S. Nur-Aliev clearly wrote that he intends to return “runaway people” from Bukhara to Russia, Orenburg Governor G.S. Volkonskii surmised that the Sultan plans to also buyout Russian slaves to return them home. And so, accordingly, the exaggerated importance given to Russian slaves in Bukhara in the narratives of some Russian authors of the 19th century is explained to be not a deliberate falsification, but such fault of perception.

Keywords: Emirate of Bukhara, Russian-Bukharan relationships, slavery, mediation in the liberation of slaves, G.S. Volkonsky.

1. Введение

В 1813 г. один из султанов Среднего Жуза (в русскоязычном дискурсе того времени – Средней Орды) Сеит-Али Нур-Алиев¹ подал прошение оренбургскому губернатору

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

¹ Обратим внимание, что его имя в русскоязычном документообороте пишется по-разному и мы выбрали наиболее близкий к современным правилам транскрипции с казахского вариант. Сам С. Нур-Алиев в поданном русским властям прошении именовал себя «Сеит Галий Нургали Хана сын» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2).

Г.С. Волконскому с просьбой отпустить его в Бухару, чтобы вывезти оттуда подданных Российской империи; губернатор этой идеей заинтересовался, но запросил мнение на ее счет у некоего Чекалова, отнесшегося к ней крайне скептически; после этого бюрократическая переписка по данному вопросу прекратилась и, видимо, С. Нур-Алиев никуда не поехал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1-12). Дополнительной пикантности данному сюжету придает то обстоятельство, что султан предполагал в ходе своего путешествия еще и основать поселение на Сыр-Дарье, причем достаточно сильное в военном отношении, чтобы защищать купеческие караваны (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10б.-2). Поскольку это поселение должно было быть основано в соответствии с волей властей Российской империи, фактически речь шла о попытке отодвинуть передовую сухопутную русскую военную базу в Центральной Азии далеко на юг задолго до неудачного Хивинского похода В.А. Перовского в 1839–1840 гг.

Нас, однако, будут интересовать не военно-политические, но связанные с практиками рабовладения аспекты несостоявшейся поездки С. Нур-Алиева в Бухару. Здесь следует отметить, что освобождение рабов-подданных Российской империи с помощью посредников в XVIII–XIX вв. практиковалось достаточно широко. В 1809 г. Оренбургская пограничная комиссия в делопроизводственной переписке даже приводила дословную цитату из именного повеления Екатерины II от 24 октября 1777 г.: «За тех пленников, кои из Азии выкупаемы будут, платить за каждого человека 150 руб. и более, смотря по обстоятельствам и по летам пленника, наблюдая при том, чтоб повеленье сие не вышло в огласку, дабы тем не подать поводу к излишним требованиям» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 3–30б.). В результате, например, в ходе Кавказской войны захват русских пленных черкесами для получения выкупа достиг таких масштабов, что с 1835 г. официальный выкуп у них пленных был практически прекращен, поскольку «для русской администрации стало очевидным, что выкуп пленников только поощряет рабозахват и работорговлю в Черкесии» (Cherkasov, 2020: 1427-1428). В то же время часть посредников была более или менее лояльна Российской империи и освобождала рабов не только с целью получения за это финансового вознаграждения, но и для получения знаков отличия. Так, в 1820–1840 гг. ряд армянских купцов был награжден медалями «За усердие» за освобождение русских пленных из кавказского рабства (Клычников, Цыбульников, 2011: 130–134). Более того, для Кавказа начала XIX в. совершенно нормальной была и фигура горского аристократа, выступающего посредником при освобождении русских пленных: например, в обмене пленников между русскими и черкесами в 1803–1804 гг. участвовали «дворянин Ислям», «князь Абат Крымгерей», «закубанский владелец Магмет Калабат Оглы» и «князь Алкас» (Rajović et al., 2017: 1263-1268).

В случае с Центральной Азией подобные практики были, по-видимому, несколько менее распространены, но в архивных материалах все равно встречаются десятки случаев, когда людей, захваченных в рабство «киргизцами»¹, спасали местные старшины, бии или султаны. Например, в 1837 г. молодой казак Алексей Макаров был вывезен из киргизского аула старшиной Худайберганом Сандубаевым, который даже не стал его выкупать, но помог ему бежать, еще и угнав из местного табуна двух лошадей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 117-1170б.). Х. Сандубаев за этот подвиг, кстати, был награжден не только 50 руб., но и саблей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 113). Несколько ранее, в начале 1830 гг., султан Кусяп-Галий Урманов «вывез из Орды» (т. е. с территории одного из казахских жузов) двух сравнительно недавно захваченных рабов, русского Василия Астраханцева и татарина Таиша Исмашлова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 40).

Однако в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, насколько нам удалось установить по архивным документам, схема освобождения рабов-подданных Российской империи через посредников почти не практиковалась. В случае с Хивой эта схема оказалась просто почти не рабочей, ведущей обычно только к гибели людей, рискнувших попытаться посредничать в выкупе рабов. В 1831 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс жаловался, что «Хивинское Правительство согласится на продажу Российских пленников

¹ В русскоязычном дискурсе XIX в. «киргизцами»/«киргизами» обычно называли казахов. Мы здесь и далее именуем киргизцами людей, которые так позиционируются в документах, поскольку уточнить их этничность в современном понимании не представляется возможным.

только единоверцам и никак не позволит возвратить их в отечество прямо из Хивы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 20б.). Более того, по его свидетельству «в Хиве смертная казнь угрожает не только Киргизу, покушающемуся освободить пленника, но и хозяину, соглашающемуся продать его для возвращения в отечество, и многие уже Киргизы сделались жертвами корыстолюбия или, может быть, и преданности своей правительству, побуждающей их вдаваться в опасность» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 23-23об.).

Нам на данный момент удалось выявить только один успешный случай спасения русских рабов из Хивинского ханства с помощью посредника, однако он очевидно эксклюзивен и мог бы стать сюжетом для приключенческого романа. Киргизец-конокрад Бурангул Каркынов, сидевший в русской тюрьме, был отправлен на лечение в оренбургский военный госпиталь, откуда сумел сбежать в степь, где оказался в ауле султана Баймухамеда Айчувакова (в современной транскрипции – Айшуакова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15). Здесь уместно отметить, что Б. Айчуваков – крайне интересная личность, один из наиболее лояльных Российской империи центральноазиатских деятелей, дослужившийся до чина русского генерал-майора (Galimov et al., 2017: 473). Услышав речь Б. Айчувакова о том, чтобы киргизцы «служили Российскому правительству усердно, особенно старались бы вывозить из Хивинского владения Русских пленников», Б. Каркынов столь впечатлялся, что решил попытаться спасти русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15-15об.). В итоге Б. Каркынов смог вывести из Хивы в 1839 г. четырех русских скрытно, с серьезными приключениями: они почти месяц шли к российской границе по ночам, по пути кончились припасы и пришлось зарезать одну из лошадей, а в итоге беглецы все равно наткнулись на киргизцев – но им удалось выдать себя за купцов и даже арендовать лошадей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15об.-17). Российские власти за это не только объявили Б. Каркынову прощение за преступление, но и выплатили ему 368 руб. – правда, в данном случае это была не награда, но компенсация убытков, понесенных в ходе всей авантюрной операции (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 24).

Напротив, отношения с Бухарским эмиратом у российских властей сложились достаточно удовлетворительные, так что в 1830 гг. предполагалось даже выкупать рабов-подданных Российской империи из Хивы через посредство бухарских сановников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 2-20б.). Хотя успеха достичь не удалось, в целом контакты Российской империи и Бухарского эмирата были достаточно тесными, чтобы, как мы увидим далее, обычно переговоры о выкупе/освобождении пленных чиновники двух государств вели напрямую, без посредничества частных лиц. Нам до настоящего времени почти не удалось выявить зафиксированных в архивных документах случаев выкупа русских рабов из Бухары. Единственный же отраженный в обнаруженных нами документах оренбургских властей, а не мемуарной литературе, достаточно массовый выход русских из Бухары был крайне специфичен: в 1858 г. российская миссия вывезла 10 человек, из которых, однако, 8 было фактически не рабами, а солдатами эмира, 1 – ребенком, сыном одного из солдат, а еще 1 – женщиной-персиянкой, женой одного из солдат (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 10б.-20б.). Интересно, что, согласно утверждениям главы миссии, Н.П. Игнатьева, бухарские власти готовы были передать ему без всякой компенсации и большее число «личностей русского происхождения», однако остальные бывшие русские подданные в Бухаре «обухарились», причем некоторые даже «завели гаремы» (Игнатьев, 1897: 225-226). Таким образом, случай Н.П. Игнатьева как раз подтверждает, что при желании и должной настойчивости российские власти могли получить подданных Российской империи из Бухары путем прямого обращения к эмиру. Два других выявленных нами в архивных документах случая освобождения русских рабов из Бухары, относящиеся как раз к началу XIX в. и носящие менее массовый характер, мы рассмотрим ниже, в основном тексте нашей статьи.

Все вышесказанное позволяет нам говорить о том, что случай С. Нур-Алиева выделяется из историй большинства посредников, освобождавших рабов-подданных Российской империи, сразу в двух отношениях. Во-первых, обычно подобные посредники попадали в поле зрения российских чиновников после освобождения раба от прежнего хозяина: посредник либо уже де-факто владел подданным Российской империи и был готов передать его на определенных условиях, либо вообще сначала передавал бывшего раба чиновникам, а затем поднимался вопрос о своем награждении. Кстати, вторая стратегия

поведения свидетельствует о том, что, независимо от политики в других вопросах, российские власти достаточно хорошо относились к лояльным посредникам в деле выкупа рабов, чтобы часть этих посредников оставляли награду за свое сложное дело на усмотрение чиновникам. В этом отношении особенно показателен случай Б. Каркынова, который подверг риску собственную жизнь и вложил крупную сумму в операцию по спасению русских рабов из Хивы, не имея вообще никаких гарантий, что его не арестуют при передаче этих рабов российским властям как беглого уголовного преступника. Напротив, С. Нур-Алиев, еще не освободив ни одного подданного Российской империи, уже обращался к оренбургскому губернатору, причем, как мы увидим далее, его обращение было достаточно своеобразным.

Во-вторых, С. Нур-Алиев планировал действовать именно на той территории, на которой деятельность посредников по выкупу рабов в целом не была эффективной и почти не практиковалась. При этом он мог без всяких сложностей и дополнительных согласований с российскими властями способствовать освобождению рабов, не покидая территорий киргизцев (т. е. земель, по современной терминологии, казахских жузов). Выше мы видели, что единственное выявленное нами спасение русских рабов из Хивы стало возможным благодаря деятельности султана Б. Айчувакова, не покидавшего при этом своего аула. К.-Г. Урманов сумел освободить двух рабов «из Орды».

И, таким образом, в итоге предложение С. Нур-Алиева на первый взгляд выглядит весьма странным. Власти Российской империи в XVIII–XIX вв. действительно активно сотрудничали с кавказской и центральноазиатской элитами по вопросам освобождения русских рабов. Однако один из киргизских султанов не нуждался ни в каких разрешениях, чтобы стать посредником в этом деле. Более того, С. Нур-Алиев почему-то не был готов освобождать рабов общим порядком на подконтрольной киргизским владельцам территории, вместо этого предлагая российской администрации амбициозные планы по вывозу подданных Российской империи из Бухары.

Хотел ли вообще С. Нур-Алиев посредничать в деле выкупа русских рабов из Бухары? Ниже мы увидим, что *нет*, и, более того, он даже не вводил российские власти в заблуждение по этому вопросу. Странности в его предложении оказываются связаны с социальной структурой подданных Российской империи, проживающих в Бухарском эмирате и неверными интерпретациями прошения султана российскими чиновниками. Эта история интересна уже сама по себе – но еще интереснее в контексте истории русских рабов в Бухаре и сложившихся в русскоязычной среде представлений о них.

2. Материалы и методы

Основным источником для нас послужит собственно переписка по предложению С. Нур-Алиева, составляющая отдельное небольшое дело в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1-12). В случае со многими сюжетами, связанными с центральноазиатским рабством, ключом к пониманию логики действующих лиц могут служить схожие ситуации, более подробно описанные в делопроизводственной документации российских властей. Однако, как мы видели выше, предложение С. Нур-Алиева просто не имело аналогов. Иными словами, мы имеем дело с «гапаксом» – «особенностью, зафиксированная лишь в одном единственном документе» (Гинзбург, 2004: 299).

К. Гинзбург рекомендует помещать гапакс в некую серию документов, в рамках которой он может быть адекватно проанализирован (Гинзбург, 2004: 299). Мы попытаемся понять историю с несостоявшейся поездкой С. Нур-Алиева в Бухару в контексте биографий основных действующих лиц, учитывая ведомственную принадлежность Чекалова. Но в первую очередь мы попытаемся соотнести сведения, сообщаемые С. Нур-Алиевым и Чекаловым о подданных Российской империи в Бухаре с записками побывавших там в первой половине XIX в. русских дипломатов и военных (Мейендорф, 1975; Записки..., 1983). Как отмечает К. Гинзбург, «наиболее отклоняющаяся от нормы документация потенциально содержит наиболее богатые результаты» (Гинзбург, 2004: 312). Мы увидим, что нарративы С. Нур-Алиева и Чекалова позволяют взглянуть на записки русских авторов о Бухаре под новым углом.

3. Обсуждение

Описания пребывания русских рабов в Бухаре начали появляться еще в XIX в. В частности, по итогам российского посольства в Бухару в 1820–1821 гг. одним из участников этого посольства, Е.К. Мейендорфом, была написана книга «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (первое ее издание вышло в 1826 г. в Париже на французском языке) (Мейендорф, 1975: 9). В этой книге мы уже встречаемся с характерными особенностями большинства русскоязычных нарративов о рабстве в Бухаре: положение русских рабов в Хиве и Бухаре рассматривается как примерно идентичное и крайне тяжелое, акцент делается на тяжелом положении рабов, а вот сюжеты о том, что значительная их часть «обухарилась», по выражению Н.П. Игнатьева, и вообще в Бухаре, кроме рабов, есть и беглецы из пределов Российской империи, не рассматриваются. Е.К. Мейендорф прямо оправдывал потенциальные аресты бухарских купцов в России как своеобразное возмездие за бухарскую работорговлю: «Нужно видеть несчастных русских невольников в Бухаре и Хиве, чтобы воодушевиться пламенным желанием освободить их. <...>. Разве репрессалии, которые предпринимает русское правительство, задерживая во всей империи бухарцев и хивинцев с их товарами с целью заставить эти народы вернуть в Россию ее подданных, будут несправедливы или безуспешны?» (Мейендорф, 1975: 146). Автор даже утверждал, что бухарское правительство пыталось запретить выкупать русских рабов, хотя российское посольство смогло выкупить 10 человек (но архивные документы, по которым можно было бы уточнить биографии и статус этих людей, нам не известны) (Мейендорф, 1975: 146). Далее мы увидим, что в начале XIX в. было как минимум два случая освобождения подданных Российской империи из Бухары за выкуп, которым местные власти не мешали. О подданных Российской империи, вышедших в Бухару добровольно, Е.К. Мейендорф, напротив, не писал, хотя признавал, что начальником артиллерии эмира был некий «старый русский солдат» (Мейендорф, 1975: 140).

В целом в подобном же тоне выдержано большинство русскоязычных текстов XIX в. о центральноазиатском рабстве, хотя чаще в них идет речь о Хивинском ханстве, а не о Бухарском эмирате. Отдельно следует выделить тексты одного из классиков русской литературы, В.И. Даля, записавшего рассказы ряда рабов, вышедших из Хивы (Даль, 1838a: 188-211; Даль, 1838b: 81-86; Даль, 1839: 74-92). В результате к началу XX в. в российской историографии выстраивается представление о том, что присоединение к Российской империи Центральной Азии было обосновано борьбой с агрессией местных кочевников, выражавшейся в том числе и в набегах за рабами. Позволим себе привести характерную цитату из «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева: «Много вынесла Россия грозных набегов со стороны диких кочевников, выходивших из той же Средней Азии. Узкоглазая, скуластая, злая фигура давно знакома была нашим предкам. Но как только преобразовалась и окрепла Русская земля, – она сама перешла в наступление» (Терентьев, 1903: XVI).

Только в советский период начали публиковаться бухарские свидетельства о местном рабстве. Здесь следует особенно выделить работу С.К. Исмаиловой «Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в.», в которой описывалось положение исключительно рабов-мусульман – т. е., судя по этой работе, они составляли большую часть бухарских невольников (Исмаилова, 1973: 20-30). Более того, С.К. Исмаилова опубликовала документы о освобождении рабов их хозяевами, в одном из которых есть следующее, например, место: «И стал упомянутый освободившийся в результате правильного освобождения свободным, как другие свободные люди. (После этого) его нельзя продавать, подарить, оставить в наследство, отдавать за долг и в аренду или превратить в собственность. И не стало после чего у меня никаких прав касательства к этому освобожденному» (Исмаилова, 1973: 20-30).

В постсоветский период появились новые работы о рабстве в Центральной Азии, однако именно тема рабства в Бухарском эмирате в них почти не раскрыта. Соответственно, дореволюционный нарратив о тяжелейшем положении русских рабов в Бухаре остается вполне актуальным.

4. Результаты

Султан Сеит-Али Нур-Алиев и надворный советник Чекалов

К сожалению, о самом султানে Сеит-Али Нур-Алиеве до наших дней не дошло почти никакой информации. Выше мы упоминали, что он именовал себя «Сеит Галий Нургали

Хана сын» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2). Соответственно, он был сыном Нурали-хана¹, правителя Младшего Жуза в 1749–1786 гг., фигуры достаточно примечательной, которой до сих пор посвящают отдельные исследования (Таймасов, 2009: 54-58). В целом многолетнее правление Нурали-хана окончилось его своеобразным крахом как правителя: именно в это время российская администрация резко усилило свой контроль за Младшим Жузом (Малой Ордой в терминологии той эпохи), а авторитет хана умалился настолько, что в конце своего правления «Нурали никак не контролировал власть в орде и оправдывался перед О.А. Игельстромом (уфимским и симбирским наместником – А.П.) своим бессилием» (Таймасов, 2009: 57). В то же время Нурали-хан до самого конца своего правления пытался сохранить хотя бы остатки прежней власти: он противодействовал учреждению специального Пограничного суда в Оренбурге, под судебную юрисдикцию которого попали бы его подданные, и, даже почти лишившись реальной власти, угрожал российским чиновникам тем, что «откочет вглубь Степи и прекратит всякие отношения со столицей генерал-губернаторства» (Васильев, 2017: 37, 39). В итоге российские чиновники фактически поддержали выступавшую против хана часть местной элиты, организовав его отстранение от власти (Васильев, 2017: 36-40).

История Нурали-хана интересна сочетанием двух аспектов. С одной стороны, к концу правления хан стал настолько непопулярен, что его власть в степи держалась исключительно на русских штыках, и в 1783 г. он прямо требовал от российских властей, по выражению С.У. Таймасова, «защиты от собственных подданных» (Таймасов, 2009: 57). С другой стороны, это не сделало его достаточно лояльным и удобным для российских властей правителем, и хан до самого конца пытался проводить собственную политику. Соответственно, мы должны учитывать, что формальная поддержка Российской империи правителями киргизцев, в том числе и С. Нур-Алиевым, могла быть порождена как внутренними убеждениями, так и желанием получать ответную поддержку от российских властей.

Последнее особенно актуально в случае с С. Нур-Алиевым потому, что он не был сколько-либо выдающимся или известным своей преданностью России правителем. Внимания позднейших исследователей его фигура не привлекала. Нам удалось найти только одно упоминание «Сеит-Али Нур-Али улы» в литературе по истории Казахстана: в 1817 г. он подписал письмо российским властям с просьбой снова сменить правителя Малой орды (т. е. Младшего Жуза), поставив «вместо хана Шир-Газы – султана Арын-Газы» (Материалы..., 1940: 316). Таким образом, мы имеем дело с крайне ординарным султаном Средней Орды (Среднего Жуза), не сумевшим никак проявить себя в крайне бурной политике степи конца XVIII–начала XIX в., когда фактическая инкорпорация региона в состав Российской империи вела к постоянным конфликтам в среде местной элиты.

Однако оренбургский губернатор Г.С. Волконский крайне заинтересовался личностью султана, предложившего свою помощь Российской империи, и даже просил Чекалова «примерно всмотреться в его характер и узнать о его в степи поведении» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 60б.). По причинам, о которых мы еще напишем ниже, встреча киргизского султана и русского чиновника так и не состоялась, однако Чекалов, даже еще не получив соответствующего предписания оренбургского губернатора, счел нужным дать характеристику С. Нур-Алиеву.

И характеристика эта была крайне критической. Согласно Чекалову, С. Нур-Алиев обладал «весьма посредственным рассудком» и «не имел такого уважения, чтобы народ киргизской был к нему предан и послушен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.). Безусловно, к характеристикам, даваемым российскими чиновниками представителям элиты регионов, включаемых в состав Российской империи, следует относиться крайне осторожно. Однако Чекалов приводил конкретный пример неудачной деятельности С. Нур-Алиева, судя по всему, повторявшего ошибки своего отца. Согласно Чекалову, С. Нур-Алиев не только не мог добиться послушания своих подданных, но и не придумал в этой ситуации ничего лучше, как обратиться к российским властям в 1812 г. с соответствующей жалобой (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.). Оренбургская пограничная комиссия вмешалась в ситуацию, составив некое «подтверждение» к непослушным подданным султана, однако этим С. Нур-Алиев вызвал еще большее «против себя негодование» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.).

¹ Нередко именуемого в русскоязычных текстах также «Нуралы-ханом».

Таким образом, в случае с несостоявшейся поездкой С. Нур-Алиева в Бухару важно понимать, что крайне амбициозный план выволить подданных Российской империи из Бухары и отодвинуть передовую сухопутную русскую военную базу в Центральной Азии далеко на юг предлагал не уважаемый и могущественный кочевой правитель, но человек, фактически всего год назад просивший российские власти навести порядок среди его собственных подданных. Не было и доказательств его безусловной лояльности Российской империи.

Большого внимания в исторической литературе удостоивался персонаж, который в разбираемых нами документах именуется «надворным советником Чекаловым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3). Нам не удалось полностью восстановить его биографию, однако на рубеже 1810–1820 гг. он был директором оренбургской таможни (Халфин, 1974: 153, 156). Такой крупный востоковед, как Н.А. Халфин, считал Чекалова «знатоком проблем, касавшихся экономических связей с государствами Средней Азии» (Халфин, 1974: 101). В этом качестве Чекалов выступал сторонником расширения торговли Российской империи с Бухарским эмиратом, доказывая, что эта торговля уже обогатила множество бухарских купцов, а вот многие русские купцы на ней вообще разорились или вынуждены были перенести торговлю из Оренбурга в Троицк (логика этого переноса заключалась в том, что важнейшим источником опасностей для торговли Российской империи и Бухарского эмирата являлось Хивинское ханство, а торговый путь Бухара-Троицк более удален от Хивы, чем Бухара-Оренбург) (Халфин, 1974: 102-103).

И здесь мы сталкиваемся с еще одной загадкой. Как правило, в рамках административного аппарата Российской империи первой половины XIX в. сношения оренбургских властей с киргизцами велись через Оренбургскую пограничную комиссию, которой были подчинены киргизские орды (или, в современной терминологии, казахские жузы). В позднейший период именно Оренбургская пограничная комиссия под руководством Г.Ф. Генса активно продвигала нарративы о тяжелейшем положении русских рабов в ханствах Центральной Азии, призывая к ответной жесткой политике. В частности, в 1831 г. Г.Ф. Генс подготовил записку «О находящихся в Хиве российских пленниках», в которой, по-видимому, впервые рассматривал вариант российской вооруженной интервенции в Хиву с целью освобождения оттуда подданных Российской империи, причем он, хотя и считал такой вариант действий опасным, утверждал, что эффективно противодействовать хивинской работоторговле можно только организовав «действия военные против Хивы» или «задержание Хивинских караванов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 25). Однако предложение С. Нур-Алиева Г.С. Волконский передал на рассмотрение не членам оренбургской пограничной комиссии, но таможенному чиновнику. В соответствующем документе выбор Чекалова обосновывается так: «Ваше высокоблагородие должны быть сведомы о вышеизложенных заграничных обстоятельствах по прежнему занятию вашему сим предметом и по всегдашнему обращению с Азиатцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3).

Таким образом, оказывается, что в 1810 гг. лучший специалист оренбургского губернаторства по центральноазиатским ханствам служил не в оренбургской пограничной комиссии, но в местной таможне. При этом он писал свое заключение на предложение С. Нур-Алиева до того, как окончательно утвердился российский нарратив о тяжелейшем положении русских рабов в Хиве и Бухаре. Наконец, его мнение делает крайне любопытным именно ведомственная принадлежность: как мы видели выше, обычно о подданных Российской империи в ханствах Центральной Азии писали люди, связанные с посольствами туда/оренбургской пограничной комиссией. Мы еще увидим, что таможенный чиновник оценивал положение подданных Российской империи в Бухаре принципиально иначе, чем представители этих ведомств.

Контекст: вышедшие из Бухары на рубеже 1800–1810 гг. рабы

Кроме того, нам важно понимать, что, судя по архивным документам о судьбе конкретных рабов, именно на рубеже 1800–1810 гг. выкупить раба из Бухары не было принципиально сложно. Мы уже упоминали, что в архивных документах нам пока удалось выявить только 3 случая освобождения подданных Российской империи из Бухары, причем 1 из этих случаев, самый массовый, относится к 1858 г., а 2 остальных – как раз к началу XIX в.

В 1809 г. к Г.С. Волконскому обратился с прошением некий Борковский (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1-10б.). Из прошения следовало, что это был рядовой 2 оренбургского

гарнизонного батальона, почти 40 лет назад похищенный прямо с караула киргизцами и проданный ими в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1). Согласно прошению, ему удалось выйти из рабства одновременно простым и неожиданным способом: старый раб, чувствуя невозможность работать далее, «осмелился просить хозяина, коему я был продан, о отпуске меня из плена, на что он и согласился с заплатой ему денег трехсот шестидесяти золотых» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1-10б.). В данном случае интересными оказывается сразу несколько фактов: во-первых, вопреки историям о полном бесправии русских рабов в Бухаре, оказывается, что конкретный раб имел крупную сумму денег в личном пользовании, которую сумел употребить для выкупа себя из рабства; во-вторых, вопреки нарративам русских авторов (в частности, Е.К. Мейендорфа) о том, что в Бухаре запрещали продажу русских для их освобождения из рабства, старик-раб без проблем смог выкупить себя у хозяина и уйти в Россию. В то же время мы бы не хотели, чтобы положение Борковского в Бухаре было идеализировано: по его признанию, за годы рабства он получил «смертоносных шесть ран» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1). Наконец, заслуживает внимания и тот факт, что освобождение Борковского прошло абсолютно без всякого ведома российской администрации, но, когда он, вернувшись в Российскую империю, по старости и болезни попросил о какой-то помощи от властей, ему выдали 150 руб. именно в соответствии с именованным повелением Екатерины II о компенсации посредникам за освобождение подданных империи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1-6.). Таким образом, еще раз подтвердилось, что именно в вопросе освобождения русских рабов власти Российской империи были готовы платить крупные суммы, даже если раб уже был освобожден и даже если речь шла о самовыкупе.

В январе 1813 г. Г.С. Волконскому было подано еще одно прошение, от казачьего сына Петра Ломзякова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 2-3). Это был даже не «обухарившийся» подданный Российской империи, но человек, родившийся в Бухаре «от пленных уральского войска казака Петра Ломзякова и козачки Аграфены Петровой» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 2). К сожалению, П. Ломзяков не сумел внятно изложить своей истории. Из его прошения следовало, что его отец в настоящее время живет в Уральске, т. е. каким-то образом тоже сумел выйти из Бухары, но никаких деталей этого не сообщалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 20б.). Мать в числе живых родственников не упоминалась и, следовательно, умерла или в рабстве в Бухаре, или освободившись и вернувшись в пределы Российской империи. Самого П. Ломзякова-младшего из рабства, однако, выкупил не отец, но некий «вышедший вместе со мной (т. е. с П. Ломзяковым-младшим – А.П.) солдат Иван Савельев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 2). И теперь П. Ломзяков-младший просил власти как-то вознаградить И. Савельева за выкуп, причем его прошение было передано в Оренбургскую пограничную комиссию «на размышление и соображение с законными постановлениями», однако ответ оттуда в архивном деле отсутствует (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 945. Л. 1). И в итоге мы узнаем из прошения П. Ломзякова еще о 3 русских, в начале XIX в. сумевших вернуться из Бухары на родину, причем как минимум один из них был выкуплен у своего хозяина без всякого участия властей.

Следовательно, именно на рубеже 1800–1810 гг. выкуп подданных Российской империи из рабства в Бухарском эмирате не представлял собой особенно сложной задачи. Судя по прошениям вернувшихся на родину русских, бухарские власти не требовали от хозяев освобождать попавших к ним в рабство российских подданных, но и не препятствовали выкупу последних с последующим отъездом из Бухары. Соответственно, для лояльного Российской империи киргизского султана было вполне выполнимой задачей аналогичным образом купить в Бухаре нескольких русских рабов, отвезти их в Оренбург и передать местным властям.

Хронология и обстоятельства событий

С. Нур-Алиев обратился со своим предложением к Г.С. Волконскому 24 июля 1813 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2). Соответствующее его прошение крайне лапидарно и содержит небольшую преамбулу, четыре пронумерованных пункта и заключительную часть. Преамбулу имеет смысл привести полностью. Дословно она выглядит так: «Небезызвестно вашему сиятельству, что в бухарском владении должное число находится российского народа, по поводу чего и беру смелость о намереваемом и полезном для возвращения

таковых людей в Россию изъять» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1). В четырех пунктах С. Нур-Алиев сообщал, что планирует взять с собой «отставного матроса Хазу Абдиева»; что Х. Абдиев будет служить переводчиком и узнавать, из каких конкретно мест происходят найденные подданные Российской империи – а С. Нур-Алиев будет сообщать оренбургскому губернатору об этом; что никакие деньги от казны ему не нужны; что султан берется еще и основать новое поселение на Сыр-Дарье, жители которого будут защищать торговые караваны (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 1-2). Но наиболее необычно и неожиданно заключение данного текста. В нем С. Нур-Алиев почему-то просил у оренбургского губернатора исходатайствовать у Александра I «о прощении тех людей», которых он собирался вывезти из Бухары, и даже называл их «беглыми людьми» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2).

Эту особенность текста киргизского султана мы будем подробно рассматривать в следующем разделе нашей статьи, а пока констатируем лучше укладывающиеся в контекст факты. Предложение С. Нур-Алиева на первый взгляд было выгодно российским властям сразу в нескольких отношениях: оно позволяло не только вернуть подданных Российской империи из Центральной Азии, но и сделать более безопасной потенциально прибыльную, с точки зрения некоторых чиновников, торговлю Российской империи с Бухарским эмиратом, и при этом не требовало никаких расходов от казны.

Поэтому не удивительно, что Г.С. Волконский заинтересовался данным предложением, и уже 5 августа сообщил Чекалову о киргизском султани, который «изъявляет желание употребить себя к возвращению находящихся в Бухарии пленных и беглых российских людей на прежние их жительства без всякой выдачи ему от казны на сие денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3). Тем не менее, губернатора, по-видимому, волновал вопрос о том, насколько реализуемы планы С. Нур-Алиева. Он прямо просил Чекалова дать ответ, «заслуживают ли предложения Султана Сетигалия внимания; есть ли к тому возможность, или сопряженность с неудобствами, или препятствиями» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3об.). Особенно интересно, что после основного текста сохранившегося в архиве черновика предписания Чекалову другой рукой было дописано: «Вы не оставите Султана Сеит Галиева именем моим пригласить к себе и отобрать у него о заведении на Сырдарье волости подробнейших соображений и соотнести оные с возможностями» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 3об.). Судя по всему, Г.С. Волконский, как и мы, считал вполне возможной поездку киргизского султана в Бухару для выкупа там рабов и возврата в Россию беглых людей, и по этому вопросу ждал от Чекалова только общей оценки целесообразности такой поездки. А вот основание на Сыр-Дарье поселения, подконтрольного лояльному Российской империи правителю, вызвало у него больше вопросов, и он хотел, чтобы этот проект С. Нур-Алиева Чекалов обсудил с его автором лично и подробно.

Однако далее С. Нур-Алиев продемонстрировал на первый взгляд достаточно странное поведение. 13 августа Чекалов сообщил, что еще не встретился с киргизским султаном, а на его предложения «не смеет изложить утвердительного совсем мнения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 4-4об.). С.Г. Волконский лично попытался организовать встречу, 19 числа написав С. Нур-Алиеву крайне любезное письмо (даже подписанное «с уважением и любовью к вашему степенству») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 5-6.). В нем губернатор попросил султана прибыть к Чекалову и «иметь к нему <...> полную доверенность» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 5-6.). Однако одновременно Г.С. Волконский обратился к Чекалову, требуя отобрать у С. Нур-Алиева «подробнейшие сведения на бумаге», очевидно, теперь желая располагать не только мнением таможенного чиновника о проектах вывоза подданных Российской империи из Бухары и основания нового поселения на Сыр-Дарье, но и полноценным письменным описанием этих проектов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 6об.). Складывается ощущение, что неприезд С. Нур-Алиева к российскому чиновнику вызвал у оренбургского губернатора сомнения в отношении амбициозных планов султана, однако Г.С. Волконский все еще испытывал определенные надежды на то, что организовать какие-то мероприятия на основе этих планов получится.

Но до Чекалова С. Нур-Алиев так и не доехал, а на письмо губернатора не ответил. Тем временем Чекалов, не дожидаясь встречи с султаном, написал масштабный рапорт, предполагая, что Г.С. Волконскому его мнение может быть нужно безотлагательно,

«для приведения в известное и решительное предположение удобства или опровержения его (С. Нур-Алиева – А.П.) плана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 7–70б.).

Рапорт этот, помимо небольшой преамбулы, состоял из двух нумерованных и одной нenumерованной части. Первая нумерованная часть была посвящена собственно возможности вывоза подданных Российской империи из Бухары. Для нас особенно интересно, что Чекалов совершенно четко делил российских подданных в Бухаре на две группы: на «пленных Россиян всякого звания» и «беглецов магометанского закона» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 70б-80б.). Принципиально он считал возможным возврат на родину представителей как первой, так и второй группы. Однако пленных, по мнению Чекалова, С. Нур-Алиев мог только выкупить: «До сего времени не было еще примеров, чтобы бухарцы из уважения к какому-либо лицу сих пленных отпускали в Россию без получения по договору с выкупщиков следующих денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8). Между тем, как мы помним, С. Нур-Алиев подчеркивал, что не планирует получать во время своей поездки в Бухару никаких денег от казны. В случае с беглецами проблема заключалась в том, что они были преступниками, подлежащими наказанию по российским законам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8-80б.). Соответственно, по мнению Чекалова, пленных С. Нур-Алиев мог вернуть, только употребив на это «свой капитал», а беглецов – если бы С.Г. Волконскому удалось получить прощение для них от императора (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8-80б.). В итоге Чекалов использовал крайне витиеватую формулировку для оценки данного предложения киргизского султана: «Готовность Султана Сеит-алия Нур-алиева к услугам престола Государя Императора на возвращение в Россию из Бухарии пленных и беглых людей без всякой выдачи денег есть самая благонамеренная и заслуживающая уважения, ежели только она примет настоящие свои действия, в которой, однако ж, я заверить вашего сиятельства не могу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 70б.-8.).

Гораздо однозначнее Чекалов писал о перспективах создания поселения под властью С. Нур-Алиева на Сыр-Дарье. Российский чиновник обращал внимание на то, что «киргиз-кайсацкой народ по образу их жизни не может с аулами своими, со скотом навсегда располагаться при одном избранном месте и к сооружению домостроительства совсем не склонный» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 9). Он напоминал, что С. Нур-Алиев не привел никакой конкретики об этом поселении: о том, сколько людей будет участвовать в этом проекте, согласны ли переселиться туда его подданные, готовы ли они в принципе защищать купеческие караваны на долгом пути (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.-9.). Именно здесь Чекалов обращал внимание на то, что султан обладал «весьма посредственным рассудком» и «не имел такого уважения, чтобы народ киргизской был к нему предан и послушен». Эта критическая характеристика должна была показать, что С. Нур-Алиев просто не тот человек, который способен организовать переход своих подданных к оседлости. Вердикт Чекалова выглядел так: проект С. Нур-Алиева о создании нового поселения следует считать «неудобовозможным» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.).

Наконец, заключительная нenumерованная часть содержала рассуждения самого Чекалова о перспективах торговли с Бухарским эмиратом (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 90б.-12). И нам она интересна, прежде всего, в том контексте, что у данного российского чиновника начала XIX в. куда больший интерес в рамках отношений с Бухарой вызвала караванная торговля, а не спасение русских рабов. Разумеется, подобная расстановка приоритетов могла быть связана с его принадлежностью к таможенному ведомству, заинтересованному в торговле, а не конфликтах с ханствами Центральной Азии. Однако следует учитывать и то, что большинство авторов нарративов о тяжелейшем положении подданных Российской империи в Бухаре были военными или дипломатами, заинтересованными в территориальной экспансии империи – поэтому их рассказы о тяжелых страданиях русских рабов в Бухаре и важности освобождения этих рабов тоже могли быть частично продиктованы ведомственными интересами.

В целом Чекалов писал о том, что не следует переоценивать полезность для Российской империи киргизских правителей. Его рассуждения на этот счет содержат как характерные для той эпохи ксенофобские выпады против неевропейского народа, киргизцев, которых он прямо именует «легкомысленными и необузданными», так и интересные содержательные рассуждения о том, что власть правителей у киргизцев непрочна, а большим уважением пользуются те батыри, «кои верховодствуют ими на всякие дерзкие поступки против

российских границ или грабежа караванов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10). Исходя из этого, Чекалов предлагал не пользоваться посредничеством С. Нур-Алиева в бухарских делах, но «сделать сношение с бухарским владельцем Мир-хай-даром» (Хайдар в современной транскрипции) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10). Таким образом, с его точки зрения, российские власти могли вести переговоры с бухарским правительством напрямую, что делало ненужным в том числе и посредничество местной элиты в выкупе русских рабов из Бухары.

Несмотря на подобный отзыв на проект С. Нур-Алиева, Г.С. Волконский все еще ждал более подробный «отзыв» от киргизского султана и просил сообщить ему, когда этот отзыв придет, «Особенной Запиской» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 120б.). Однако соответствующее архивное дело на этом заканчивается, так что, вероятно, никаких более бумаг от С. Нур-Алиева к оренбургскому губернатору не поступало.

Анализ нарративов

Вернемся теперь к первоначальному предложению С. Нур-Алиева С.Г. Волконскому. Для нас крайне важно зафиксировать, что в этом тексте нет никакой информации, которую можно увязать с русскими рабами в Бухаре и с намерением киргизского султана освобождать именно рабов. В приведенных нами выше цитатах упоминаются «*российский народ*» и «*беглые люди*», причем С. Нур-Алиев совершенно прямо писал, что собирается вывозить из Бухары именно «беглых людей», нуждающихся для возвращения в прощении от императора. И, с учетом этой особенности, наиболее логичным представляется предположить, что С. Нур-Алиев просто не планировал выкупать в Бухаре русских рабов. Для него «российским народом» в Бухарском эмирате выступали именно «беглые люди», т. е. не обращенные в рабство пленники, но лица, бежавшие из Российской империи в центральноазиатские ханства по собственной воле – категория, российскими авторами, напротив, замечаемая далеко не всегда. При этом, согласно Чекалову, С. Нур-Алиев в 1812 г. был в Бухаре и мог общаться там с подобными лицами непосредственно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.).

Наличие в Бухарском эмирате «беглецов магометанского закона» из Российской империи подтверждал и сам Чекалов, более того, специально оговаривая, что эти лица «будучи в Бухарии, по своей воле не стесняются работами: яко одной с ними религии; и всегда свободны обратиться в Россию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 8). При этом Чекалов не исключал, что часть подобных людей желает вернуться в Российскую империю, но связывал это не с их плохим положением, но с тем, что эти беглецы могут хотеть «возвратиться в свои жительства к семействам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 80б.).

А теперь вспомним, что, когда в 1858 г. Н.П. Игнатьев получил возможность реально вывести подданных Российской империи из Бухары, он столкнулся с тем, что многие из них «обухарились». Нам кажется уместным привести здесь объяснение Н.П. Игнатьева о том, почему большую часть людей, называемых им «личностями русского происхождения», он счел нужным оставить в Бухаре: «Дело было в принципе, в восстановлении нашего права на прежних русских подданных, в произведении известного, благоприятного для русского имени впечатления на бухарцев и наших пограничных жителей, а не в непрременном насильственном водворении в России людей, сделавшихся для нее чуждыми и излишними. На этом основании, всех обратившихся добровольно в магометанство и нежелающих вернуться в Церковь Христову, всех обремененных большим семейством и не изъявивших, несмотря на увещания моих спутников, желания вернуться в Россию, возвратил я эмиру, объявив ему и бывшим русским, что я оставляю их на попечении бухарского правительства, предполагая, что оно не оставит их своим покровительством» (Игнатьев, 1897: 225-226). Напомним также то, что, согласно архивным документам, из Бухары с И.П. Игнатьевым выразили желание вернуться исключительно русские, бывшие солдатами эмира, и члены их семей. Таким образом, несмотря на всю риторику о тяжелом положении русских рабов в Бухаре, фактически, получив, наконец, реальную возможность централизованно освободить всех этих рабов, российские дипломаты обнаружили, что эти рабы, кроме солдат эмира, или мусульманского вероисповедания, или имеют большие семьи из местных, или не хотят возвращаться в Россию.

Это, разумеется, не значит, что в Бухарском эмирате не было русских рабов, подвергавшихся тяжелым истязаниям (пример подобного раба, Борковского, мы приводили

выше). Однако рассмотренные нами факты позволяют однозначно говорить о том, что существенная (а, вероятно, даже *большая*) часть подданных Российской империи находилась в Бухаре добровольно, являясь не пленниками, а беглецами. При этом следует дифференцировать ситуацию с русскими рабами в Бухаре (откуда, как мы видим, после разрешения вернуть русских рабов, реально уехало в Россию около 10 человек) и Хиве (откуда только в преддверии Хивинского похода 1839–1840 гг. в рамках попыток нормализовать отношения с Российской империей в 1837 г. ханом было возвращено 25 человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65), в 1839 г. 80 человек (Ermachkov, 2021: 27), а по итогам самого похода – 416 человек (Иванин, 1874: 157). Напомним и процитированные нами выше слова одного из наиболее лояльных Российской империи киргизских султанов, Б. Айчувакова, который призывал своих подданных, чтобы они «служили Российскому правительству усердно, особенно старались бы вывозить из Хивинского владения Русских пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 15-150б.). Как мы видим, этот безусловно разбиравшийся в региональной ситуации человек считал самой важной задачей спасение русских из Хивы – а Бухару не упоминал вовсе.

В то же время мы бы не хотели впадать в другую крайность и преуменьшать значение фактора русских рабов в Бухарском эмирате. В определенном смысле российским чиновникам данный фактор даже мешал адекватно воспринимать реальность: Г.С. Волконский и Чекалов по сути «вчитали» в текст С. Нур-Алиева то, что он планирует употребить себя к возвращению находящихся в Бухарии не только «беглых», но и «пленных» российских людей. Как мы помним, оренбургский губернатор писал о том, что С. Нур-Алиев «изъявляет желание употребить себя к возвращению находящихся в Бухарии *пленных* (курсив наш – А.П.) и беглых российских людей», т. е. «пленные» в этой цитате идут даже раньше «беглых», хотя в оригинальном предложении киргизского султана они не упомянуты вовсе! Судя по всему, для российских чиновников была просто невозможна ситуация, в рамках которой человек, поехавший в Бухару возвращать подданных Российской империи, игнорировал бы при этом нахождение там русских рабов. Между тем как раз то, что рабы С. Нур-Алиева не интересовали, совершенно логично объясняет то, почему он не просил на их выкуп денег из казны: он не собирался выкупать рабов на «свой капитал», но просто предполагал оставить их у прежних хозяев. Кстати, отказ от получения денег из казны в предложении С. Нур-Алиева дословно звучит так: «*проезд* (курсив наш – А.П.) мой с ним (матросом Х. Абдиевым – А.П.) не ищет от казны выдачи денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 10б.). Как мы видим, султан совершенно прямо писал, что деньги ему будут нужны только на проезд, ни словом не упоминая о выкупе рабов.

Таким образом, переписка о несостоявшейся поездке С. Нур-Алиева в Бухару является свидетельством еще и коммуникативной неудачи при взаимодействии российских чиновников с киргизским султаном. С. Нур-Алиев вообще не планировал становиться посредником при выкупе рабов: это желание приписали ему Г.С. Волконский и Чекалов. Сам же степной правитель вызывался только вывезти из Бухары русских беглых, которым власти даруют прощение. И теперь становится ясным, почему С. Нур-Алиев обратился к Г.С. Волконскому до своей поездки в Бухару, чего никогда не делали посредники, отправляясь на выкуп рабов: для возвращения в Российскую империю не рабов, а беглых, что признавал и Чекалов, было необходимо предварительно получить для них прощение от Александра I.

Кстати, ошибочная интерпретация намерений С. Нур-Алиева может объяснять и то, почему он с определенного момента просто перестал выходить на связь с российскими властями. Ему приписали то желание, которого он никогда не выражал, и которое могло существенно осложнить его поездку в Бухару: он желал вывезти оттуда свободных людей по их воле, а российские власти потребовали от него описаний того, как он собрался там на свой счет и без компенсации от казны выкупать рабов, не все из которых были готовы вернуться в Россию.

Остается неясным только то, зачем С. Нур-Алиев, явно переоценивая свои возможности, обещал основать поселение на Сыр-Дарье. Однако в данном случае мы воздержимся от предположений, поскольку набор вариантов слишком широк: от ошибки переоценившего свои возможности действительно не слишком умного султана до желания, подобно отцу, откочевать в глубь степи от слишком бдительного надзора российских властей, но, в отличие от отца, с их ведома и формально исполняя их волю.

Почему бухарский эмир не освободил русских рабов?

Остается ответить на последний вопрос. Если отношения российских и бухарских властей в принципе позволяли, как считал Чекалов, решать важные вопросы напрямую, почему до 1858 г. русские рабы в Бухаре не были освобождены?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, рассмотрим некоторые аспекты истории российско-бухарских отношений начала XIX в. В марте все того же 1813 г. Г.С. Волконский написал письмо эмиру Хайдару, призывая его торговать с Россией (Халфин, 1974: 99-100). Согласно интерпретации А.Д. Васильева, в 1815 г. эмир Хайдар в ответ направил в Российскую империю посольство во главе с Мухаммед Юсуф беем, однако российские власти отказались рассматривать это посольство в качестве официального (Васильев, 2014: 122-123). Отправившийся далее в Османскую империю, М. Юсуф бей сообщал там, что 8 месяцев ждал аудиенции у Александра I, но не дождался (Васильев, 2014: 122). Понятно, что в 1815 г., когда еще шел Венский конгресс, занимавшийся переустройством Европы после наполеоновских войн, у центральных российских властей были более актуальные задачи, чем выручка русских рабов из Бухары. Однако в то же время вполне естественно и то, что подобные ситуации не способствовали желанию бухарских властей целенаправленно освобождать подданных Российской империи.

К сожалению, «Путешествие из Оренбурга в Бухару» Е.К. Мейендорфа не содержит описания собственно переговоров российского посольства с бухарскими властями. Однако те характеристики, которые даются в этой книге бухарским правителям, никак не совместимы со сколько-либо дружественными, не говоря уже о союзных, отношениями: «Множество правительственных чиновников в Бухаре должны рассматриваться как отбросы нации: только бедняки или властолюбцы вступают в их ряды»; «Честные люди и те, кому есть, на что жить, избегают общественных обязанностей и соседства с ханом»; «Хан, внешне преисполненный благочестия, не считает нужным в чем-то себя ограничивать, предается разврату» (Мейендорф, 1975: 132-133).

Зато о своих переговорах с бухарскими властями подробно писал П.И. Демезон, чиновник оренбургской пограничной комиссии, под видом татарского муллы из Российской империи ведший переговоры с бухарскими властями в 1833–1834 гг. (Записки..., 1983: 8-11). Он приводит следующую отповедь, сделанную ему бухарским кушбеги (вторым лицом в государстве) Мухаммадом Хаким бием: «Русский посол, приехавший несколько лет назад, обещал нам бог знает чего – и то, что таможенные пошлины будут снижены, и что обязательно каждый год русский военный отряд будет сопровождать один наш караван. А что же на самом деле? Пошлины до сих пор остаются прежними. Военный отряд, обязанный сопровождать и охранять наш караван до самой Бухары, бросает его, оставляя на разграбление, и при этом не сообщает нам ничего о том, перешел ли караван Сырдарью, где он сейчас находится и то, что его больше никто не охраняет... Что же нам делать, если и дальше дела будут обстоять подобным образом?» (Записки..., 1983: 43). Характерно, что своего ответа на эти обвинения российский чиновник не сообщает, ограничиваясь указанием на то, что они почему-то показались ему «неискренними» (Записки..., 1983: 43).

Именно в подобных условиях П.И. Демезон обсуждал с бухарскими властями освобождение русских рабов: не в качестве официального посла, но в качестве татарского муллы из Российской империи, не способного дать внятный ответ на обвинения бухарских властей в том, что Россия не выполнила свои обещания перед ними. При этом П.И. Демезон, в целом повторяя традиционный для русскоязычных авторов нарратив о тяжелейшем положении «русских пленников»¹ в Бухаре, в то же время признавал, что «с ними обращаются менее варварски, чем в Хиве», в самой Бухаре не более 100 «русских пленников», а в остальном эмирате, «как говорят» – 400 (Записки..., 1983: 25). Но любопытнее всего то, что он зафиксировал привоз в Бухару 5 русских и 2 поляков, вот только захваченных не в пределах Российской империи, а в Персии – это были солдаты персидской армии, в которую в то время активно принимали российских дезертиров (Записки..., 1983: 25). Таким образом, мы снова сталкиваемся с неоднозначной ситуацией,

¹ Обратим внимание, что российские чиновники в Центральной Азии фиксировали численность не рабов-подданных Российской империи, а именно «русских пленников», причем критерии включения в эту категорию были не вполне прозрачны (Peretyatko, 2023: 619-632).

причем принципиально новой: в Бухаре беглыми, которым не стоило возвращаться в Россию без помилования, оказываются, были не только «беглецы магометанского закона», но и некоторые русские рабы.

В итоге позиция П.И. Демезона при переговорах с бухарскими властями об освобождении рабов сводилась к тому, что этим властям стоит без всяких условий и ответных требований освободить несколько русских рабов и «проявить тем самым дружелюбие к нашему правительству» (Записки..., 1983: 25). После долгих переговоров (в том числе и со ссылками с бухарской стороны о том, что мусульманин не может освободить неверного для возвращения в немусульманскую страну), кушбеги сообщил русскому чиновнику, что эмир не дал согласия освободить каких бы то ни было рабов, но, вероятно, «будет более сговорчив, когда примет посольство его величества государя императора» (Записки..., 1983: 50). Более того, кушбеги выразил согласие каждый год отпускать в Россию 4-5 невольников, но тайно, без официальной огласки (Записки..., 1983: 50). П.И. Демезону лично удалось освободить без огласки 4 человек, не вполне ясно, с ведома бухарских властей или нет (Записки..., 1983: 50)¹.

Еще любопытнее сведения, сообщаемые И.В. Виткевичем, посетившим Бухару в крайне невнятном статусе в 1835–1836 гг. (российский прапорщик выехал в подконтрольную Российской империи «степь» и почему-то счел нужным доехать до Бухары, хотя прямого приказа об этом ему дано не было) (Записки..., 1983: 12-15). И.В. Виткевич вообще утверждал, что в Бухаре всего около 25 «русских пленников», из них до 20 принадлежат эмиру, а в эмирате «может быть, наберется еще до 50, и то старики, прежнего привоза» (Записки..., 1983: 115). Подобное различие в оценке численности «русских пленников» в Бухарском эмирате П.И. Демезоном и И.В. Виткевичем, вероятно, связано с тем, что «беглых татар наших» последний считал отдельно, причем утверждал, что их в Бухаре «великое множество» (Записки..., 1983: 116). И.В. Виткевич приводил и биографии отдельных «пленников», причем все они уже или были свободны, или служили в войсках эмира (Записки..., 1983: 115-116). Два «пленника», биографии которых И.В. Виткевич приводил наиболее подробно, были одновременно и беглецами от российского правосудия: это были дезертиры, захваченные в степи киргизцами и проданные в Бухару (Записки..., 1983: 115). Оба они якобы хотели вернуться в Россию, но один из них женился на местной женщине и не хотел бросать детей, а второй боялся наказания (Записки..., 1983: 115).

Таким образом, фактически из текста И.В. Виткевича следует, что собственно русских рабов в Бухаре к 1830 гг. почти не осталось: даже небольшое имеющееся число «пленников» в основном составляли старики или воины эмира (что, кстати, хорошо соотносится с тем, что в 1858 г. Н.П. Игнатьев освободил в Бухаре исключительно последних). При этом заметную их часть составляли беглецы, преступники по российским законам, чаще всего дезертиры, для которых возвращение в Россию было проблематично. Тем не менее, И.В. Виткевич якобы устроил настоящую выволочку уже знакомому нам кушбеги М. Хаким бию, которую описывал следующим образом: «Я представлял ему, что он обязался посольству нашему не держать пленных. <...>. Русский в Бухаре есть какое-то безответное существо, на которое всякий может наложить руку и между тем, как те же самые купцы (незадолго до этого власти Российской империи задержали ряд бухарских купцов и потребовали от них дать расписки освободить русских пленников – А.П.) содержат русских невольников, не считая их даже и людьми» (Записки..., 1983: 107). Как нам представляется, И.В. Виткевич мог преувеличить или даже выдумать свою смелость перед лицом бухарского чиновника – но, если он действительно говорил с ним так, едва ли подобные «переговоры» могли способствовать освобождению оставшихся русских рабов.

Таким образом, мы можем видеть, что в 1810–1830 гг. российские власти много сделали, чтобы испортить отношения с Бухарой: в 1815 г. не признали официальный статус бухарского посла, а в 1830 гг. вместо полноценных посольств, несмотря на явную

¹ Сам П.И. Демезон был уверен, что действует скрытно и в тайне от властей, но позднее М. Хаким бий утверждал, что бухарским властям было прекрасно известно, что с ними ведет переговоры не татарский мулла, а российский чиновник (Записки..., 1983: 108). Соответственно, какие-то «секретные», с его точки зрения, действия П.И. Демезона могли быть на самом деле известны бухарским властям.

заинтересованность в этом бухарской стороны, допускали до переговоров с ней сперва чиновника инкогнито, под видом муллы, а затем прапорщика, не имеющего даже официального приказа на посещение Бухарского эмирата (!). Подобное поведение российских властей может показаться странным, но нам кажутся очень верными следующие рассуждения британского ученого А. Моррисона: «My contention is that the ruling elite of the Russian empire became much less willing to tolerate what it saw as the insolence and insubordination of steppe nomads and the khanates that lay beyond them. For the Napoleonic generation the steppe world of multiple allegiances, shifting sovereignty and indeterminate borders had to be forced to acknowledge both the superiority of Russian civilisation and the reality of Russian power» (Morrison, 2021: 55-56). Обратим внимание, что готовый к сотрудничеству с Бухарой Г.С. Волконский был вельможей еще екатерининских времен (он родился в 1742 г.). Поэтому вполне естественно, что бухарские власти в первой половине XIX в. не спешили идти навстречу требованиям российских посланцев (особенно тех, кто не имел официального статуса) и централизованно отпускать русских рабов на родину.

При этом реально число этих рабов было достаточно невелико. Преувеличивать их количество российским властям помогало введение категории «русских пленников», в которую попадали не только захваченные на российской территории рабы, но и люди, сами сбежавшие в степь, русские дезертиры, попавшие в Бухару из персидской армии, дети бывших русских рабов и бухарских женщин и т. д. Тем не менее, даже с учетом всех этих категорий людей П.И. Демезон в 1830 г. насчитал в Бухарском эмирате около 500 «русских пленников». И.В. Виткевич в это же десятилетие без учета «беглых татар» не нашел в Бухарском эмирате и 100 «русских пленников». Соответственно, вполне логично, что в целом в первой половине XIX в. российские власти не пытались форсировать решение проблемы русских рабов в Бухарском эмирате, ограничиваясь отдельными и не слишком системными акциями в этом направлении.

Нарратив же о русских рабах, тяжело страдающих в Бухаре, следует рассматривать как конструкт, основанный не столько на реальных, но немногочисленных фактах освобождения отсюда невольников, в том числе и серьезно пострадавших в рабстве, сколько на универсализации представлений о русских рабах в Центральной Азии, которые создавались на основании историй подобных рабов преимущественно в киргизской степи и Хивинском ханстве, а не в Бухарском эмирате. Следует учитывать и то, что этот нарратив хорошо укладывался в представление о «superiority of Russian civilisation» по выражению А. Моррисона: в его рамках Российская империя выступала благой силой, спасающей невинных от азиатских дикарей. Опираясь на этот нарратив, можно было оправдать почти любые действия против бухарцев (напомним, что И.В. Виткевич, собственно, и делал это, доказывая, что российское правительство имело полное право задержать бухарских купцов, как владеющих русскими рабами).

Иронично, однако, что, по утверждению И.В. Виткевича, на его грубые обвинения в содержании русских рабов кушбеги М. Хаким ответил: «Русские сами держат мужиков своих в рабстве» (Записки..., 1983: 107).

5. Заключение

Итак, на первый взгляд частная и локальная несостоявшаяся миссия С. Нур-Алиева в 1813 г. в Бухару может служить ключом как минимум к двум значимым выводам.

1) Социальная структура подданных Российской империи, проживавших в Бухарском эмирате, существенно отличалась от представлений о ней, наиболее распространенных в русскоязычных источниках и историографии. Российские путешественники, побывавшие в Бухаре в первой половине XIX в., как правило, военные или дипломаты (Е.К. Мейендорф, П.И. Демезон, И.В. Виткевич), рисовали крайне безрадостную картину жизни русских «пленников»/«невольников» в Бухарском эмирате. Однако, согласно С. Нур-Алиеву и Чекалову, значительную долю подданных Российской империи в Бухаре составляли «беглые»/«беглецы», лица, сами бежавшие из пределов Российской империи и подлежащие, в случае возвращения, судебному преследованию.

Более того, при внимательном чтении нарративов Е.К. Мейендорфа, П.И. Демезона и И.В. Виткевича становится видно, что в числе «пленников» ими упоминаются подданные Российской империи, служащие в войсках бухарского эмира. П.И. Демезон и И.В. Виткевич

приводят конкретные данные численности «русских пленников» в Бухаре, из которых видно, что их число было крайне невелико, зато последний упоминает о проживании там многочисленных «беглых татар наших». Наконец, И.В. Виткевич упоминает и о том, что двое опрошенных им невольников, якобы желавших вернуться в Российскую империю, реально не готовы были этого сделать, один – из-за наличия семьи в Бухаре, а второй – опасаясь наказания. И в 1858 г., когда российские власти реально централизованно освободили русских рабов в Бухаре, в Россию вернулось всего 10 людей, включая 1 персиянку-жену русского, и это были преимущественно солдаты эмира.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что при описании тяжелейшей участи значительного числа русских рабов в Бухаре в XIX в. у ряда российских авторов универсальное представление о тяжести положения многочисленных русских рабов в Центральной Азии превалирует над реальными фактами социальной структуры конкретного эмирата.

2) В то же время было бы ошибкой обвинять на этом основании российские власти и отдельных русских авторов в сознательной лжи, своеобразном очернительстве Бухарского эмирата. О специфике картины мира российских властей прекрасно говорит тот факт, что, когда С. Нур-Алиев достаточно ясно выразил желание вернуть из Бухары в Российскую империю «беглых людей», которые получают помилование от Александра I, Г.С. Волконский и Чекалов приписали ему желание освободить «пленных <...> российских людей». Освобождение обращаемых в рабство пленных было важной задачей властей Российской империи XIX в. в Центральной Азии и на Кавказе, и поэтому достаточно естественно, что сам факт наличия русских рабов в Бухаре вызывал у русских авторов резко негативную реакцию, мешающую объективно воспринимать реальность.

При этом основания для обвинений в содержании в рабстве русских людей бухарские власти безусловно давали. Несмотря на их относительную малочисленность по сравнению с Хивой, русские рабы достаточно регулярно освобождались из Бухары: как мы видели, как минимум 3, а возможно и 4 человека вышли из Бухары в начале XIX в. вообще без помощи российских властей, выкупая себя/других рабов; российское посольство в Бухару в 1820–1821 гг. выкупило 10 человек; 4 человек в 1833–1834 гг. освободил П.И. Демезон. К этому добавлялась своеобразная коммуникативная проблема: российские власти регулярно требовали от бухарского эмира освобождать русских рабов, причем чаще не через официальные посольства, а через разного рода эмиссаров; бухарские чиновники в целом не торопились отвечать согласием, выдвигая ответные условия и иногда даже ссылаясь на полную невозможность отпустить неверных в немусульманскую страну. Соответственно, бухарские власти действительно не освобождали русских рабов, что давало дополнительные основания для их обвинений.

3) Наконец, несостоявшаяся поездка С. Нур-Алиева в Бухару в 1813 г. вполне интересна и сама по себе, раскрывая некоторые особенности взаимоотношений российских властей и киргизских правителей Степи. Здесь важнее всего сочетание следующих двух обстоятельств: во-первых, С. Нур-Алиев не был ни особенно могущественным, ни особенно лояльным Российской империи султаном, и о каких-либо других его значимых акциях в поддержку русского присутствия в Центральной Азии неизвестно; во-вторых, С. Нур-Алиев брался не только вывезти из Бухары беглых подданных Российской империи (что, как мы видели выше, было вполне реализуемо), но и обещал основать поселение на Сыр-Дарье, которое защищало бы караванную торговлю. Трудно не согласиться с Чекаловым в том, что не пользовавшийся особым влиянием и уважением киргизский султан, только недавно просивший российские власти повлиять на его подданных для обеспечения их лояльности, едва ли мог выполнить столь амбициозный проект.

Соответственно, С. Нур-Алиев хотел получить от российских властей разрешение на выполнение задания, которое оказалось бы ему не по силам. В дополнение к этому, как мы видели выше, киргизский султан сформулировал свое прошение Г.С. Волконскому так, что оренбургский губернатор неверно его понял, решив, что С. Нур-Алиев будет освобождать из Бухары и русских рабов. И здесь интересно замечание Чекалова о «весьма посредственном рассудке» киргизского султана. Если бы предложение С. Нур-Алиева оказалось принято, он бы сделал не то, чего от него ждали российские власти – но, с другой стороны, и сами эти

власти вместо внимательного анализа предложения султана трактовали его в привычных им универсалиях деятельности посредников по освобождению русских рабов.

И, таким образом, здесь мы снова сталкиваемся с коммуникативными проблемами при контакте российских властей с центральноазиатским владельцем, а также с тем, что российские чиновники в большей степени исходили не из реальных фактов конкретной ситуации, а из своих универсальных представлений (в данном случае о представителе местной элиты, который, выражая желание вернуть представителей «русского народа» из Бухары, не может не включать в число этих представителей и русских рабов). Соответственно, не следует считать уникальными подобные коммуникативные проблемы, возникающие из-за попыток российских чиновников оценивать реалии Центральной Азии исходя, в первую очередь, из своей картины мира, под которую подгонялись реальные факты. Впрочем, в их защиту следует отметить, что даже лояльность киргизских владельцев и наличие вторых смыслов в их предложениях российской власти оценить было сложно: как мы видели из случаев С. Нур-Алиева и его отца Нурали-хана, внешняя лояльность могла порождаться тем, что самая власть степного правителя могла держаться на русской поддержке и закончиться вместе с ней.

И поэтому, хотя документация, связанная несостоявшейся поездкой С. Нур-Алиева в Бухару, помогла нам ответить на целый ряд вопросов, мы едва ли сможем когда-либо узнать, что заставило его предложить Г.С. Волконскому эту поездку: был ли султан лоялен Российской империи и желал помочь ей, обещали ли ему что-то русские беглецы в Бухаре в 1812 г., когда он посещал этот город, хотел ли он укрепить свое положение, оказав российским властям услугу, о которой узнает сам император, или он вообще хотел, сохранив поддержку Российской империи, уйти за пределы контролируемой ей части степи, что некогда грозил сделать его отец.

Литература

Васильев, 2014 – *Васильев А.Д.* Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М., 2014. 356 с.

Васильев, 2017 – *Васильев Д.В.* Массовые народные движения как инструмент российской региональной политики в Казахской степи в конце XVIII в. (на примере движения Сырыма Датова) // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2017. № 1. С. 31-43.

Гинзбург, 2004 – *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.

Даль, 1838a – *Даль В.И.* Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // *Альманах «Утренняя заря».* СПб., 1838. С. 188-211.

Даль, 1838b – *Даль В.И.* Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // *Литературное прибавление к Русскому инвалиду.* 1838. № 5. С. 81-86.

Даль, 1839 – *Даль В.И.* Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // *Альманах «Утренняя заря».* СПб., 1839. С. 74-92.

Записки..., 1983 – *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича).* М., 1983. 149 с.

Иванин, 1874 – *Иванин М.И.* Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.

Игнатьев, 1897 – *Игнатьев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897. 278 с.

Исмаилова, 1973 – *Исмаилова С.К.* Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук,* № 2 (72). 1973. С. 20-30.

Клычников, Цыбульникова, 2011 – *Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011. 255 с.

Материалы..., 1940 – *Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.).* Т. IV. М., Л.: 1940. 543 с.

Мейендорф, 1975 – *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Таймасов, 2009 – Таймасов С.У. Об отношениях башкир с казаками Младшего жуза в период правления Нурали-хана // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 37 (175). С. 54–58.

Терентьев, 1903 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1903. 512 с.

Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М. 1974. 406 с.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue). Pp. 1415-2266.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26-34.

Galimov et al., 2017 – Galimov Y.A., Ksenzhih G.N., Atygayev N.A., Tuleshova U.Z. Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2) Pp. 468-477.

Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

Peretyatko, 2023 – Peretyatko A.Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). Pp. 1261-1274.

References

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. Is. 3-1 (Special issue): 1415-2266.

Dal', 1838a – Dal', V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreyka Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 188-211. [in Russian]

Dal', 1838b – Dal', V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu*. 5: 81-86. [in Russian]

Dal', 1839 – Dal', V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 74-92. [in Russian]

Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.

Galimov et al., 2017 – Galimov, Y.A., Ksenzhih, G.N., Atygayev, N.A., Tuleshova, U.Z. (2017). Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868). *Bylye Gody*. 44(2): 468-477.

Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. *Ginzburg K. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow, 345 p. [in Russian]

Ignat'ev, 1897 – Ignat'ev, N.P. (1897). Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 godu fligel'-ad'yutanta polkovnika N. Ignat'eva [Mission to Khiva and Bukhara in the year 1858 by Flügeladjutant Colonel N. Ignat'ev]. Saint-Petersburg, 278 p. [in Russian]

Ismailova, 1973 – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]

Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839-1840]. Saint-Petersburg, 268 p. [in Russian]

Khalfin, 1974 – Khalfin, N.A. (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii [Russia and the khanates of Central Asia]. Moscow, 406 p. [in Russian]

Klychnikov, Tsybul'nikova, 2011 – Klychnikov, Yu.Yu., Tsybul'nikova, A.A. (2011) «Tak buinuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossiiskoi gosudarstvennosti s

khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["Thus freedom unruly is trodden by laws...": the struggle of Russian statehood against preying in the North Caucasus (historical essays)]. Pyatigorsk, 255 p. [in Russian]

[Materialy..., 1940](#) – Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1785–1828 gg.). T. IV. [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785-1828). Vol. IV]. Moscow, Leningrad, 1940. 543 p. [in Russian]

[Meyendorff, 1975](#) – *Meyendorff, E.K.* (1975) Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow, 180 p. [in Russian]

[Morrison, 2021](#) – *Morrison, A.* (2021) The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.

[OGAOO](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

[Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2023). Captives, Slaves, Freemen: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.

[Rajović et al., 2017](#) – *Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4): 1261-1274.

[Taimasov, 2009](#) – *Taimasov, S.U.* (2009). Ob otnosheniyakh bashkir s kazakhami Mladshego zhuzha v period pravleniya Nurali-khana [About the relationships of Bashkirs with Kazakhs of the Junior jüz during the period of Nuraly Khan's rulership]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37(175): 54-58. [in Russian]

[Terent'ev, 1903](#) – *Terent'ev, M.A.* (1903) Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. I. [History of the Conquest of Central Asia. Vol. 1]. Saint-Petersburg, 512 p. [in Russian]

[Vasilyev, 2014](#) – *Vasilyev, A.D.* (2014). Znamya i mech ot padishakha. Politicheskie i kul'turnye kontakty khanstv Tsentral'noi Azii i Osmanskoi imperii (seredina XVI – nachalo XX vv.) [A banner and a sword from the padishah. Political and cultural contacts of the khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (mid 16th – early 20th centuries)]. M., 356 p. [in Russian]

[Vasilyev, 2017](#) – *Vasilyev, D.V.* (2017). Massovye narodnye dvizheniya kak instrument rossiiskoi regional'noi politiki v Kazakhskoi stepi v kontse XVIII v. (na primere dvizheniya Syryma Datova) [Mass popular movements as an instrument of Russian regional policy in the Kazakh steppe in the late 18th century (through the example of the Syrym Datov movement)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 1: 31-43. [in Russian]

[Zapiski..., 1983](#) – Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezson and I.V. Vitkevich)]. M., 149 p. [in Russian]

Подданные Российской империи в Бухарском эмирате и несостоявшаяся поездка султана Сеит-Али Нур-Алиева с целью их возвращения (1813 г.)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Статья посвящена социальной структуре подданных Российской империи в Бухарском эмирате. Основным источником для ее описания стали прежде не вовлекавшиеся в научный оборот материалы о несостоявшейся поездке в Бухару в 1813 г. султана Сеит-Али Нур-Алиева с целью вывоза оттуда подданных Российской империи.

В статье делается вывод, что, несмотря на заявления ряда русских дипломатов и военных о тяжелых страданиях русских пленных в Бухаре, реальное число русских рабов в Бухарском эмирате в XIX в. было сравнительно невелико. По оценке П.И. Демезона, в 1830-х г. в Бухарском эмирате было всего около 500 «русских пленников». Когда в 1858 г. Н.П. Игнатьев централизованно освобождал русских рабов в Бухаре, в Российскую империю

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

вернулось всего 10 человек, поскольку остальные «обухарились». Зато, согласно С. Нур-Алиеву и ряду других авторов, в Бухаре жило значительное число беглых из Российской империи, опасавшихся возвращаться без прощения.

В то же время в статье показано, что проблема освобождения рабов была крайне важна для российских чиновников, порой мешая им адекватно воспринимать реальность. Так, хотя С. Нур-Алиев достаточно ясно писал, что планирует вернуть из Бухары в Россию «беглых людей», оренбургский губернатор Г.С. Волконский решил, что султан планирует также выкупать русских рабов для возвращения их на родину. И, соответственно, преувеличенное значение, придаваемое в ряде нарративов российских авторов XIX в. русским рабам в Бухаре, объясняется не намеренным искажением, но подобной ошибкой восприятия.

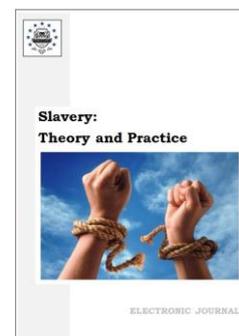
Ключевые слова: Бухарский эмират, русско-бухарские отношения, рабовладение, посредничество при освобождении рабов, Г.С. Волконский.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2024. 9(1): 23-32

DOI: 10.13187/slave.2024.1.23
<https://stp.cherkasgu.press>

Comparative Analysis of the Trans-Atlantic and Trans-Saharan Slave Trade

Semyon N. Gonta ^{a, *}

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to studying the issue of the trans-Saharan and trans-Atlantic slave trade, as well as conducting a comparative analysis of these two areas of the slave trade. The comparative analysis was carried out on 7 main points (chronology, geography, economic roles, gender ratio, racial-ethnic composition, the opportunity to become free and approximate damage), which in general form provide a sufficient picture for understanding the issue raised in this work. The research methodology is represented by both general scientific and special historical research methods. The structure of the article consists of 7 sections, each of which is devoted to a separate point of comparative analysis, and also shows the features of the areas of slave trade under consideration. In conclusion, the author draws conclusions about the characteristics of the areas of the slave trade considered in the work, and also provides conclusions for each point of the comparative analysis of the trans-Saharan and trans-Atlantic slave trade. It is separately noted that the trans-Saharan (Arab) slave trade has not currently received due attention and assessment, although this particular direction of the slave trade existed much longer than the trans-Atlantic (European) one and did not differ from it in its cruelty.

Keywords: slavery, slave trade, transatlantic slave trade, trans-Saharan slave trade, Arab slave trade, European slave trade, black slaves, Sahel, East Africa, West Africa.

1. Введение

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время различные оценочные и другие дискуссии вокруг европейской работорговли продолжают ежегодно появляться. С одной стороны, в западной научной сфере продолжают попытки изучения и осмысления данного процесса, с другой стороны в современных Африканских странах периодически поднимается вопрос о возмещении значительного финансового ущерба, который понесли многие страны региона, во время колониального управления. В большинстве случаев такие нарративы исходят от политиков-популистов, которые таким образом пытаются компенсировать свои коррумпированные и неумелые действия в настоящем апеллируя к прошлому, но в целом такой запрос в обществе все-таки существует.

Однако здесь стоит отметить, что несмотря на все ужасы европейской трансатлантической работорговли, многие обходят вниманием не менее ужасное и не так популярное направление работорговли, а именно – арабскую работорговлю или как ее еще называют, транссахарскую работорговлю.

* Corresponding author
 E-mail addresses: rudolf.diesel.bmw@gmail.com (S.N. Gonta)

Исходя из этого, в данной статье предлагается кратко рассмотреть оба вышеупомянутых направления работорговли, а также провести попытку сравнительного сопоставления, которое позволит как выделить общие черты, так и некоторые особенности.

Цель исследования – рассмотреть и проанализировать трансатлантическую и транссахарскую работорговлю, а также сравнительно сопоставить эти два вида работорговли, которые существовали в мировой истории.

Данная статья представляет собой попытку автора комплексного сравнительного сопоставления двух видов работорговли (трансатлантической и транссахарской), которые, хотя и имели разные географические направления, но брали свое начало на одном континенте.

2. Материалы и методы

Библиографическая база данной работы представлена актуальными исследованиями, которые косвенно или напрямую связаны с темой европейской и исламской работорговли.

Методология данного исследования определяется непосредственно темой и включает в себя как общенаучные методы исследования, так и специальные исторические методы исследования. Общенаучные методы представлены: анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, а также методом контент-анализа. Специальные исторические методы исследования представлены: нарративным, историко-типологическим (в части классификации историографии по теме исследования), историко-системным методом, а также историко-генетическим методом.

Материалами для данного исследования послужили, прежде всего, фундаментальные работы западных авторов, посвященные теме работорговли, официальные данные ООН и другие источники. Также, в качестве иллюстрации рассматриваемого исторического процесса, в данной работе используются картины некоторых европейских авторов, которые посвящены теме европейской и арабской работорговли.

3. Обсуждение

В настоящее время, в отечественной историографии вопроса транссахарского и трансатлантического рабства имеется не так много исследований, поскольку данная тема, все-таки, прерогатива больше западных исследователей. Однако, для объективности здесь стоит привести ряд релевантных исследований российских авторов. Среди таковых выделим работы: А.Х. Хизриева и М.А. Нурудиновой (Хизриев, Нурудинова, 2024), Д.В. Михеева (Михеев, 2020), М. Шмигеля (Šmigel, 2023), И. Шиукашвили (Shiukashvili, 2017), а также коллектива авторов из института Африки РАН (Банщикова и др., 2022).

Из зарубежных исследований здесь стоит отметить ряд фундаментальных работ западных авторов, которые внесли значительный вклад в изучение темы рабства и работорговли на Африканском континенте. Среди таковых выделим работы авторов: Джорджа Фрэнсиса Доу (Доу, 2013), Герберта Клейна (Klein, 1999), Гордона Мюррея (Murray, 1989), Патрика Мэннинга (Manning, 1990) и Бернарда Льюиса (Lewis, 1990).

4. Результаты

Прежде чем начать непосредственное рассмотрение темы здесь стоит отметить, что дальнейшее сравнительное сопоставление будет производиться по следующим позициям (Таблица 1).

Таблица 1. Положения для сравнения двух маршрутов работорговли

№	Пункт сравнения
1.	Хронологические рамки двух направлений работорговли
2.	География рассматриваемых маршрутов работорговли
3.	Сравнение экономической роли рабов в направлениях работорговли
4.	Сравнение полового соотношения рабов
5.	Сравнение расово-этнического состава рабов
6.	Анализ теоретической возможности для рабов стать свободными
7.	Сравнение нанесенного ущерба от работорговли для Африканского континента

Данные положения для сравнения являются обобщенными. Однако, опираясь в сравнительном анализе даже на такие общие пункты, можно смоделировать определенную картину вопроса и сделать ряд объективных выводов.

Хронологические рамки.

Возникновение трансатлантического пути работорговли тесно связано с открытием Американского континента в 1492 году, поскольку для освоения новых территорий нужна была значительная рабочая сила, поэтому европейские колонисты решили использовать для этих целей дешевый рабский труд. В целом, здесь можно отметить, что активная трансатлантическая работорговля началась в XVI веке и продолжалась вплоть до начала XIX века, когда европейские страны и их колонии начали процесс отмены рабства ([Šmigel, 2023: 6-13](#)).

Оценка арабской работорговли в Африканском регионе выглядит немного сложнее, поскольку здесь отсутствуют конкретные временные рамки. Однако, здесь можно утверждать, что начало арабской работорговли в Африке было тесно связано с арабским завоеванием Северной Африки, которое продолжалось с 640 года по 709 год. Именно после данных событий, с VIII началась активная арабская (транссахарская) работорговля, которая продолжалась вплоть до первой половины XX века. Последней страной, где в 1981 году рабство было официально отменено, была Мавритания ([Ghazal, 2022](#)).

География маршрута.

Трансатлантический путь работорговли начинался на территории Западной Африки (современные Камерун, Нигерия, Гана, Кот Д'ивуар, Либерия и др.), откуда рабы вывозились в Новый Свет через Атлантический океан.

Транссахарское направление работорговли представляло собой целый ряд различных путей и маршрутов, большинство из которых проходило через пустыню Сахара. Условно, такие пути можно разделить на несколько региональных маршрутов:

1) **Сухопутный транзит.** Из региона Сахеля рабы доставлялись на север континента (территория современных Марокко, Алжира, Туниса и Египта). Данный маршрут был наиболее тяжелым и изматывающим, поскольку проходил напрямую через пустыню.

2) **Морской транзит.** Из Восточной Африки (район великих африканских озер, а также территория современных Зимбабве, Мозамбика, Сомали, Джибути и Эфиопии) рабы доставлялись на Аравийский полуостров. При данном маршруте для транспортировки рабов арабами использовались морские суда. Отдельно здесь стоит отметить, что на побережье Восточной Африки существовал наиболее крупный в регионе рынок рабов и перевалочный пункт – Султанат Занзибар, который, по сути, являлся колонией Оманского султаната и обслуживал его экономические интересы. А позднее султан Сейид Саид и вовсе перенес столицу государства из Маската на Занзибар ([Брындина и др., 2020: 83-85](#)).

Характеристика экономической роли рабов.

Для трансатлантического пути работорговли экономическая роль рабов заключалась прежде всего в производстве. В Новый Свет африканские рабы переправлялись в качестве рабочей силы, которая была задействована, прежде всего, в сельскохозяйственном производстве и смежных с ним областях, а также на других физически тяжелых работах. Исходя из этого, на данном направлении работорговли ценность раба-мужчины была значительно выше ценности рабов женского пола, если учитывать возможность ведения долгосрочной тяжелой физической работы ([Shiukashvili, 2017: 54-55](#)).

В транссахарской арабской работорговле экономическая роль рабов заключалась, в большей степени, в обслуживании потребностей своих хозяев. Это связано, в том числе, и с географическими особенностями местности, поскольку большой потребности в рабочей силе для сельского хозяйства и других тяжелых работах не имелось. Исходя из этого рабы были привлечены на различные обслуживающие работы, в зависимости от пола. Мужчины рабы занимались преимущественно физической работой, были грузчиками и разнорабочими, также значительная часть мужчин рабов пополняла ряды армий мусульманских государств ([Хизриев, Нурудинова, 2024: 35](#)).

Отдельно здесь стоит отметить мужчин-евнухов, которые были, в какой-то степени, отдельной и особо ценной кастой рабов, наиболее дорогой для покупки и престижной для владения в высших слоях.

Женщины же были важным товаром на данном направлении в силу религиозных особенностей арабских работорговцев, которым ислам официально разрешал иметь в своем доме гарем наложниц. Занимались они по большей части домашней работой (готовили еду, убирались и т.д.), а также выполняли роль сексуальных рабынь в гаремах (Хизриев, Нурудинова, 2024: 36). Иметь чернокожую наложницу было довольно престижно и почетно на протяжении, практически, всего существования транссахарской (арабской) работорговли, поэтому на данном направлении именно женщины ценились выше мужчин (Рисунок 1).

Рис. 1. Картина Жана-Леона Жерома «Невольничий рынок», 1871 год.

Половое соотношение рабов (мужчины/женщины).

В трансатлантической работорговле половое соотношение вывозимых рабов составляло примерно 2 мужчины на 1 женщину, поскольку именно мужчины-рабы ценились больше, в силу своих физических возможностей. Однако такие цифры были не всегда достигаемы, поэтому более точные данные составляли ~180-185 мужчин на 100 женщин (Рисунок 2).

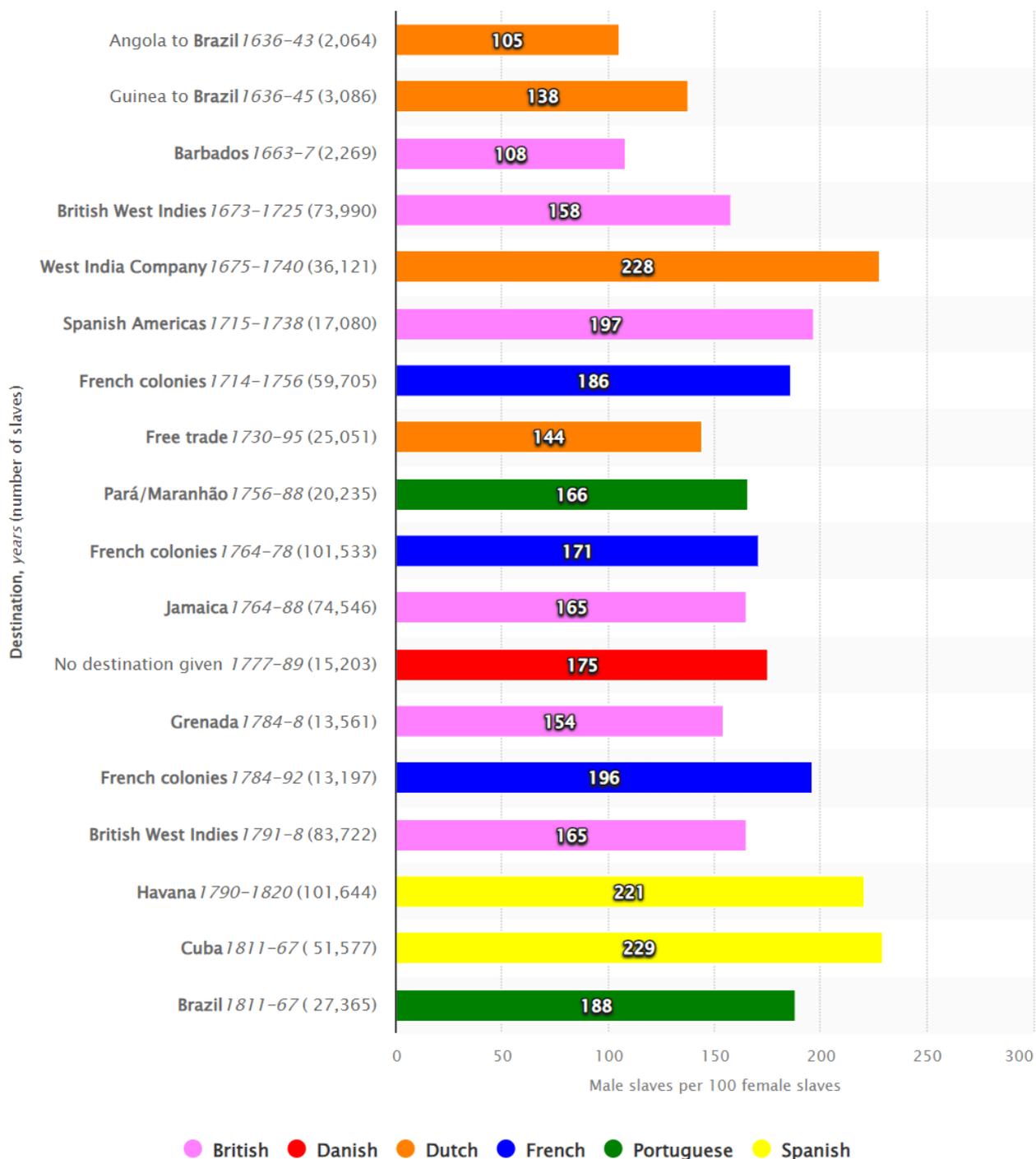

Рис. 2. Половое соотношение рабов мужчин на 100 женщин в периоде с 1636 года по 1867 год (Statista..., 2024)

Данный аспект тесно связан с экономической ролью рабов, которая присутствовала в трансатлантической работорговле. Для иллюстрации приведем здесь картину немецкого художника Иоганна-Морица Ругендаса, на которой показан процесс перевозки рабов через Атлантический океан, где большинство перевозимых рабов взрослые и физически крепкие мужчины (Рисунок 3).

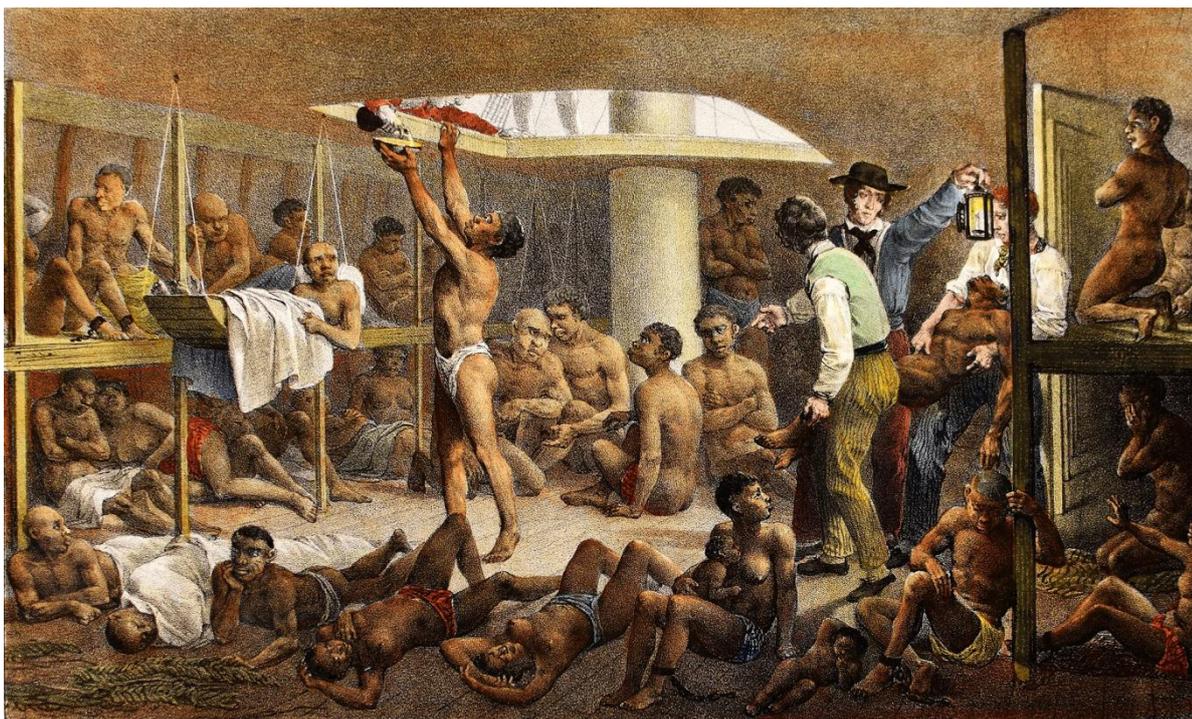

Рис. 3. Картина Иоганна-Морица Ругендаса «Перевозка черных рабов через океан», 1835 год

В транссахарской работорговле половое соотношение вывозимых рабов принято считать обратной трансатлантической: ~2 женщины на 1 мужчину, поскольку на данном направлении работорговли ценились больше женщины (Koigi). Это также связано с описанной выше экономической ролью рабов в транссахарской работорговле.

Расово-этнический состав рабов.

Расовый состав трансатлантической работорговли был однородным, поскольку из Африканского континента в подавляющем большинстве вывозились именно чернокожие рабы. Национальный состав был достаточно разнообразным, поскольку рабы поступали из различных внутренних районов континента (Kottias, 2024: 5-7).

В транссахарской работорговле большинство вывозимых рабов также составляли именно чернокожие африканцы, однако здесь стоит отметить, что в транссахарской (арабской) работорговле не было определенных расовых и национальных направлений, поскольку арабские работорговцы могли торговать людьми любой неисламской национальности, включая захваченных в плен европейцев.

Наличие возможности стать свободным.

В арабской (транссахарской) работорговле возможность стать свободным для раба практически отсутствовала и носила формальный характер. Здесь отсутствовали какие-либо реальные общественные пути избавления от рабства, за исключением личного желания хозяина, который, как правило, такой возможностью, конечно, не пользовался. Однако, в силу религиозного влияния, в некоторых случаях хозяева-арабы освобождали своих рабов, поскольку это считается богоугодным поступком в исламе (Montana, 2023: 471-472). Но обычно такое освобождение происходило уже в зрелом возрасте раба, когда его выгода для хозяина была значительно ниже расходов на его содержание.

В Америке также отсутствовали какие-либо официальные механизмы освобождения от рабства, однако здесь все таки присутствовала значительная прослойка свободных чернокожих и цветных людей, число которых активно росло с каждым годом борьбы. Среди таковых были, например, беглые чернокожие на севере США, чернокожие, которые были освобождены хозяевами или которые смогли выкупить себя, что было разрешено в определенных регионах (Smigel, Cherkasov, 2016: 1185-1186). Отдельно здесь стоит отметить такую страту как дети-мулаты, рожденные чернокожими свободными матерями от белых отцов. Такие потомки смешанной связи занимали промежуточное положение в обществе

(не имея всех прав белых, но продолжая быть свободными). Здесь также стоит отметить, что такое положение дел в корне отличалось от арабского рабства, где детей от наложниц убивали в младенчестве, зачастую руками самих наложниц.

Примерный оцениваемый ущерб от работорговли для Африканского континента.

Последствия всей работорговли для Африканского континента на сегодняшний день признаются наиболее ужасающими. Демографический ущерб, который был нанесен Африканскому континенту был значительным. По международным оценкам Организации Объединенных Наций (ООН) и ЮНЕСКО демографический ущерб составляет примерно 17 миллионов жизней африканцев, не считая тех людей, которые умерли по пути до места прибытия ([Осознание трагедии...](#), 2007). Это число составляет чуть больше 1/10 от всего населения Африканского континента на момент 1900 года ([Stanley, 2023](#)). Таким образом, серьезный демографический ущерб, который годами наносился населению Африки следом за собой приводил и к другому сопутствующему ущербу (экономическому, социальному и т.д.).

Однако, здесь стоит отметить, что данные оценки подчеркнута касаются лишь трансатлантической работорговли и по каким-то причинам обходят стороной транссахарскую (арабскую) работорговлю, не давая отдельной оценки этому направлению работорговли. В настоящее время сложно оценивать демографический ущерб для Африканского континента, который был нанесен транссахарской работорговлей, поскольку в научной сфере отсутствуют какие-либо объективные и точные оценки по данному вопросу.

Исходя из хронологических рамок и интенсивности, здесь можно предполагать, что за все время своего существования транссахарская работорговля нанесла значительный и вполне сопоставимый (если не больший) с трансатлантическим направлением демографический ущерб. Поэтому, анализируя данный вопрос становится очевидным, что такое направление научной работы нуждается в дальнейшем активном изучении.

5. Заключение

В представленной работе были рассмотрены два направления работорговли, которые имели место в мировой истории – транссахарская и трансатлантическая работорговля. Сравнительный анализ проводился по 7 основным пунктам (хронология, география, экономические роли, половое соотношение, расово-этнический состав, возможность стать свободным и примерный ущерб), которые в обобщенном виде дают достаточную картину для понимания вопроса, поднятого в данной работе.

Дальнейшие выводы будут сформулированы исходя из пунктов сравнения, которые приведены в данной статье. Таким образом, на основании проведенного исследования можно заключить, что:

1. При сравнительном сопоставлении хронологических рамок трансатлантической и транссахарской работорговли можно отметить, что транссахарская (арабская) работорговля существовала значительно больше, чем трансатлантическая работорговля (~4 века трансатлантической работорговли против ~11 веков арабской работорговли).

2. Трансатлантический путь работорговли в своей основе морским путем через атлантический океан, где африканские рабы доставлялись на специальных судах. В свою очередь арабская работорговля имела несколько маршрутов – морской (с побережья Восточной Африки) и сухопутный (через регион Сахеля на север континента), при этом сухопутный транзит был наиболее опасным для жизни рабов, поскольку существенная часть рабов просто погибала при переходе пустыни.

3. В трансатлантической работорговле экономическая роль рабов заключалась по большей части в производстве. В то время как в транссахарской работорговле экономическая роль рабов заключалась в обслуживании. Исходя из этого специфика работы рабов на данных направлениях отличалась друг от друга.

4. Исходя из вышеуказанного пункта половое соотношение рабов существенно отличалось на двух направлениях работорговли. В трансатлантической работорговле больше ценились рабы-мужчины и их соотношение составляло 2 мужчины на 1 женщину. В транссахарской работорговле больше ценились рабыни и их соотношение составляло примерно 2 женщины на 1 мужчину.

5. Расово-этнический состав трансатлантической работорговли был однородным и состоял из различных африканских народностей и племен. В то время как в транссахарской работорговле рабами могли быть люди любых рас и народов, которые не были мусульманами. Однако подавляющее большинство рабов на данном направлении также были представителями различных африканских народностей и племен.

6. В обоих направлениях работорговли участь рабов была незавидная и шанс на получение свободы был минимальным. Однако здесь стоит отметить, что в странах Америки все-таки имелись определенные возможности (как правило неофициальные) стать свободным. О чем свидетельствует, например, значительная страта свободных чернокожих в США, количество которых увеличивалось с каждым годом аболиционистской борьбы. В то время как в транссахарской работорговле реальных шансов стать свободным практически не имелось, за исключением личной воли хозяина.

7. Примерный оцениваемый демографический ущерб от трансатлантического рабства по оценкам ООН и ЮНЕСКО составляет около 17 миллионов жизней африканцев, что составляло около 12 % от всего Африки на момент 1900 года. Ежегодно в различных политических кругах поднимается тема о компенсации и возмещения ущерба африканскому континенту. Однако данные нарративы подчеркнута адресованы лишь к трансатлантической работорговле и западным странам и обходят вниманием транссахарскую (арабскую) работорговлю. Ущерб от которой до сих пор остается малоизученным.

Литература

[Банщикова и др., 2022](#) – Банщикова А.А., Брындина В.Н., Иванченко О.В. Представления материковых танзанийцев, жителей Занзибара и урожденных занзибарцев о географии арабо-суахилийской работорговли XIX в. / Каждый гражданин - неотъемлемая часть нации: К 100-летию со дня рождения основоположника независимой Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 129-145.

[Брындина и др., 2020](#) – Брындина В.Н., Иванченко О.В., Банщикова А.А. Представления о географии арабской работорговли XIX в. в современной Танзании: результаты полевого исследования // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. № 1. С. 82-93. DOI: 10.31857/So86919080008442-3

[Доу, 2013](#) – Доу Д. История работорговли. Странствия невольничьих кораблей в Атлантике / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. 383 с.

[Михеев, 2020](#) – Михеев Д.В. Становление системы трансатлантической работорговли // *Метаморфозы истории*. 2020. № 17. С. 62-78.

[Осознание трагедии..., 2007](#) – Осознание трагедии – путь к преодолению ее последствий. Организация Объединенных Наций. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/events/slaveryremembranceday/2007/backgrounder.shtml> (дата обращения: 10.08.2024).

[Хизриев, Нурудинова, 2024](#) – Хизриев А.Х., Нурудинова М.А. Особенности ведения работорговли на Ближнем Востоке в новое время // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2024. № 2. С. 33-39. DOI: 10.29025/1994-7720-2024-2-33-39

[Ghazal, 2022](#) – Ghazal A. Slavery in Mauritania: The Long Road to Real Emancipation. Arab Center Washington DC. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/slavery-in-mauritania-the-long-road-to-real-emancipation/> (дата обращения: 12.08.2024).

[Klein, 1999](#) – Klein H. The Atlantic Slave Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 234 p.

[Koigi](#) – Koigi B. Forgotten slavery: The Arab-Muslim slave trade. FairPlanet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fairplanet.org/dossier/beyond-slavery/forgotten-slavery-the-arab-muslim-slave-trade/> (дата обращения: 12.08.2024).

[Kottias, 2024](#) – Kottias M. Unhealed wounds of slavery // *The UNESCO Courier*. 2024. July-September issue. Pp. 5-7.

[Lewis, 1990](#) – Lewis B. Race and Slavery in the Middle East: An Historical Enquiry. Oxford: Oxford University Press, 1990. 184 p.

[Manning, 1990](#) – Manning P. Slavery and African Life: Occidental, Oriental, and African Slave Trades. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 236 p.

- [Montana, 2023](#) – *Montana I.M.* (2023). Slavery in the Middle East and North Africa. In: Pargas, D.A., Schiel, J. (eds). *The Palgrave Handbook of Global Slavery throughout History*. Palgrave Macmillan, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-13260-5_26
- [Murray, 1989](#) – *Murray G.* Slavery in the Arab World. New York: New Amsterdam Press, 1989. 265 p.
- [Shiukashvili, 2017](#) – *Shiukashvili I.* Slavery in the USA (first half of the 19th century): Socio-Economic Aspects // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 52-61. DOI: 10.13187/slave.2017.1.52
- [Šmigel, 2023](#) – *Šmigel M.* On the Issue of International Aspects of the Prohibition of the Slave Trade and Slavery in the 19th century // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1): 3-23. DOI: 10.13187/slave.2023.1.3
- [Smigel, Cherkasov, 2016](#) – *Smigel M., Cherkasov A.A.* The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. 42(4). Pp. 1182-1197.
- [Stanley, 2023](#) – *Stanley A.* A demographic transformation in Africa has the potential to alter the world order. Международный Валютный Фонд, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/09/PT-african-century> (дата обращения: 10.08.2024).
- [Statista..., 2024](#) – Number of male slaves per 100 female slaves on select voyages during the transatlantic slave trade, by carrier and destination, 1636-1867. Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1183869/ratio-male-female-slaves-by-route-1636-1867/> (дата обращения: 12.08.2024).

References

- [Banshchikova i dr., 2022](#) – *Banshchikova, A.A., Bryndina, V.N., Ivanchenko, O.V.* (2022). Predstavleniya materikovykh tanzaniitsev, zhitelei Zanzibara i urozhdennykh zanzibartsev o geografii arabo-suakhiliiskoi rabotorgovli XIX v. [Ideas of mainland Tanzanians, residents of Zanzibar and native Zanzibaris on the geography of the Arab-Swahili slave trade of the 19th century]. *Kazhdyi grazhdanin – neot'emlemaya chast' natsii: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya osnovopolozhnika nezavisimoi Tanzanii Dzhuliusa Kambarage N'erere*. M.: Institut Afriki RAN. Pp. 129-145. [in Russian]
- [Bryndina i dr., 2020](#) – *Bryndina, V.N., Ivanchenko, O.V., Banshchikova, A.A.* (2020). Predstavleniya o geografii arabskoi rabotorgovli XIX v. v sovremennoi Tanzanii: rezul'taty polevogo issledovaniya [Ideas about the geography of the Arab slave trade of the 19th century in modern Tanzania: results of a field study]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 1: 82-93. DOI: 10.31857/So86919080008442-3 [in Russian]
- [Dou, 2013](#) – *Dou, D.* (2013). *Istoriya rabotorgovli. Stranstviya nevol'nich'ikh korablei v Atlantike* [Voyages of Slave Ships in the Atlantic]. Per. s angl. L.A. Igorevskogo. M.: ZAO Tsentrpoligraf. 383 p. [in Russian]
- [Mikheev, 2020](#) – *Mikheev, D.V.* (2020). Stanovlenie sistemy transatlanticheskoi rabotorgovli [Formation of the Transatlantic Slave Trade System]. *Metamorfozy istorii*. 17: 62-78. [in Russian]
- [Osoznanie tragedii..., 2007](#) – *Osoznanie tragedii – put' k preodoleniyu ee posledstviy*. Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii [Awareness of the Tragedy – the Path to Overcoming Its Consequences]. 2007. [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/ru/events/slaveryremembrance/day/2007/backgroundunder.shtml> (date of access: 10.08.2024). [in Russian]
- [Khizriev, Nurudinova, 2024](#) – *Khizriev, A.Kh., Nurudinova, M.A.* (2024). Osobennosti vedeniya rabotorgovli na Blizhnem Vostoke v novoe vremya [Features of the slave trade in the Middle East in modern times]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova*. 2: 33-39. DOI: 10.29025/1994-7720-2024-2-33-39 [in Russian]
- [Ghazal, 2022](#) – *Ghazal A.* Slavery in Mauritania: The Long Road to Real Emancipation. Arab Center Washington DC. 2022. [Electronic resource]. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/slavery-in-mauritania-the-long-road-to-real-emancipation/> (date of access: 12.08.2024).
- [Klein, 1999](#) – *Klein, H.* (1999). *The Atlantic Slave Trade*. Cambridge: Cambridge University Press, 234 p.
- [Koigi](#) – *Koigi, B.* Forgotten slavery: The Arab-Muslim slave trade. FairPlanet. [Electronic resource]. URL: <https://www.fairplanet.org/dossier/beyond-slavery/forgotten-slavery-the-arab-muslim-slave-trade/> (date of access: 12.08.2024).

- Kottias, 2024** – Kottias, M. (2024). Unhealed wounds of slavery. *The UNESCO Courier*. July-September issue. Pp. 5-7.
- Lewis, 1990** – Lewis, B. (1990). *Race and Slavery in the Middle East: An Historical Enquiry*. Oxford: Oxford University Press, 184 p.
- Manning, 1990** – Manning, P. (1990). *Slavery and African Life: Occidental, Oriental, and African Slave Trades*. Cambridge: Cambridge University Press, 236 p.
- Montana, 2023** – Montana, I.M. (2023). Slavery in the Middle East and North Africa. In: Pargas, D.A., Schiel, J. (eds). *The Palgrave Handbook of Global Slavery throughout History*. Palgrave Macmillan, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-13260-5_26
- Murray, 1989** – Murray, G. (1989). *Slavery in the Arab World*. New York: New Amsterdam Press, 265 p.
- Shiukashvili, 2017** – Shiukashvili, I. (2017). Slavery in the USA (first half of the 19th century): Socio-Economic Aspects. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 52-61. DOI: 10.13187/slave.2017.1.52
- Šmigel, 2023** – Šmigel, M. (2023). On the Issue of International Aspects of the Prohibition of the Slave Trade and Slavery in the 19th century. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 3-23. DOI: 10.13187/slave.2023.1.3
- Smigel, Cherkasov, 2016** – Smigel, M., Cherkasov, A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.
- Stanley, 2023** – Stanley, A. (2023). A demographic transformation in Africa has the potential to alter the world order. International Monetary Fund. [Electronic resource]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/09/PT-african-century> (date of access: 10.08.2024).
- Statista..., 2024** – Number of male slaves per 100 female slaves on select voyages during the transatlantic slave trade, by carrier and destination, 1636-1867. Statista. [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1183869/ratio-male-female-slaves-by-route-1636-1867/> (date of access: 12.08.2024).

Сравнительный анализ трансатлантической и транссахарской работорговли

Семен Николаевич Гонта ^{а, *}

^а Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена изучению вопроса транссахарской и трансатлантической работорговли, а также проведению сравнительного анализа этих двух направлений работорговли. Сравнительный анализ проводился по 7 основным пунктам (хронология, география, экономические роли, половое соотношение, расово-этнический состав, возможность стать свободным и примерный ущерб), которые в обобщенном виде дают достаточную картину для понимания вопроса, поднятого в данной работе. Методология исследования представлена как общенаучными, так и специальными историческими методами исследования. Структура статьи состоит из 7 разделов, каждый из которых посвящен отдельному пункту сравнительного анализа, а также показывает особенности рассматриваемых направлений работорговли. В заключении автором делаются выводы о характеристике рассмотренных в работе направлений работорговли, а также приводятся выводы по каждому пункту сравнительного анализа транссахарской и трансатлантической работорговли. Отдельно отмечается, что транссахарская (арабская) работорговля в настоящее время не получила должного внимания и оценки, хотя именно данное направление работорговли существовало значительно дольше чем трансатлантическое (европейское) и по своей жесткости не отличалось от него.

Ключевые слова: рабство, работорговля, трансатлантическая работорговля, транссахарская работорговля, арабская работорговля, европейская работорговля, чернокожие рабы, Сахель, Восточная Африка, Западная Африка.

* Корреспондирующий автор

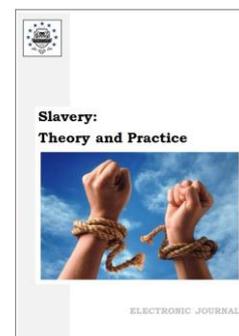
Адреса электронной почты: rudolf.diesel.bmw@gmail.com (С.Н. Гонта)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2024. 9(1): 33-39

DOI: 10.13187/slave.2024.1.33
<https://stp.cherkasgu.press>

June 19 – “Slave Liberation Day”: A Historical Essay to the 160th Anniversary for the Abolition of Slavery in the United States

Igor Koshkin ^{a, *}

^a American Historical Society, Washington DC, USA

Abstract

The historical essay is dedicated to the 160th anniversary of the holiday symbolizing the abolition of slavery in the United States, namely on June 19. There were used as materials the works covering both the holiday itself and the history of the abolition of slavery in the United States. The research methods are the historical-systemic method, the content analysis method, the synthesis method, the classification method, and the historical-genetic method.

The Day of Liberation from Slavery in the United States of America, known as Juneteenth, is celebrated annually on June 19 and symbolizes the abolition of slavery. The 46th President of the United States, Joe Biden Jr., by law of June 17, 2021, made this day a state (federal) holiday. This holiday has become the eleventh US public holiday.

Today, the Day of Liberation from Slavery continues to be an important date in the American calendar. He recalls the difficult past of the country and emphasizes the importance of the struggle for freedom and equality for all citizens. Commemorative events are held on this day, including flower-laying ceremonies, readings of historical documents and speeches by public figures. The day is also used to discuss current issues related to racial inequality and discrimination and to find ways to solve them.

The Day of Liberation from Slavery is a symbolic day for many Americans, especially for members of the African American community. It serves as a reminder of how far the country has come in the struggle for freedom and justice, but also indicates the need to continue this struggle. This is a day when people come together to honor the memory of those who fought for their rights and to reaffirm their commitment to the ideals of equality and freedom.

Keywords: USA, public holidays in the USA, Abolition of Slavery Day in the USA, June 19, Juneteenth, Freedom Day, National Independence Day Act on June 19.

1. Введение

День освобождения от рабства в Соединенных Штатах Америки отмечается ежегодно 19 июня. Этот день знаменует собой окончание Гражданской войны в Америке и подписание Прокламации об освобождении президентом Авраамом Линкольном. Прокламация, выпущенная 1 января 1863 года, объявила свободу всем рабам в тех штатах, которые находились в состоянии мятежа против Союза. Хотя прокламация не имела юридической силы в южных штатах до окончания войны, она стала важным шагом к полному освобождению рабов в стране. В 2017 году день 19 июня стал государственным праздником.

* Corresponding author

E-mail addresses: Koshk.Ig@yahoo.com (I. Koshkin)

В данной статье, посвященной 160-летию юбилею праздника, вкратце осветим основные связанные с ним исторические события.

2. Материалы и методы

Материалом послужили законодательные акты, касающиеся праздника «19 июня» (Act, 2021), а также современные российские (см., напр., Бондаренко, 2021; Бондаренко, 2024; Бондаренко, 2023 и др.) и зарубежные работы (см., в частности, Davis, 2011; Tamm, 2022; Huizinga, 1968; Juneteenth..., 2011 и др.), в которых освещено данное событие.

Методологическую основу данной работы составляют такие методы исторического исследования как:

- Историко-системный метод: применен для системного и комплексного анализа Дня отмены рабства в США и его предыстории исходя из контекстной исторической ситуации;
- Метод контент-анализа: использовался для исследования научной литературы и интернет-источников, освещающих праздник 19 июня в США;
- Историко-генетический метод: применен для исследования причинно-следственных связей между отменой рабства в США в 1865-м году и введением в реестр федеральных праздников соответствующего мероприятия Президентом Байденом в 2021-м году;
- Метод классификации: использован для классификации историографии, освещающих событие «19 июня» в истории США;
- Метод синтеза: применялся для формирования результатов исследования после контент-анализа Дня отмены рабства и резюмирования выводов данной рукописи.

3. Обсуждение

Историографию вопроса разделим на российскую и зарубежную.

Зарубежная историография представлена, как правило, публикациями в сети Интернет и различными электронными изданиями. Большой интерес представляют работы Кеннета С. Дейвиса, касающиеся отмены рабства и связанного с этим торжества (см., например, Davis, 2011). М. Тамм в статье «Память» (англ. «Memory»), опубликованной в журнале «The Routledge Companion to Historical Theory», исследует теоретические вопросы, истоки и развитие американского патриотизма (Tamm, 2022). Монография Й. Хайзинга «Голландская цивилизация в XVII веке и прочие описания» («Dutch Civilization in the Seventeenth Century and Other Essays») не посвящена непосредственно истории США, однако сравнивает историю голландской нации с только зарождающейся американской цивилизацией (Huizinga, 1968).

Статья «Juneteenth Celebrated in Coachella» (Празднование «19 июня» в долине Коачелла) освещает не только о процесс празднования в указанном географическом месте, но и часть истории самого праздника (Juneteenth..., 2011).

Из современных российских работ отметим труды профессора Д.М. Бондаренко, который непосредственно не освещает празднование Дня свободы, однако весьма глубоко исследует проблемы существования и отмены рабства в США. В частности, при написании данной работы нами были проанализированы статьи Д.М. Бондаренко о проблеме «культурной памяти» о гражданской войне и отмене рабства в США через призму борьбы с расизмом на современном этапе (Бондаренко, 2021), о проблемах рабства и американского расизма (Бондаренко, 2024), а также о гражданской войне в США и ее влиянии на американский расизм в XXI веке (Бондаренко, 2023).

Историографический список не является полным, однако для задач данной работы нам представляется вполне достаточным.

4. Результаты

Девятнадцатое июня/Juneteenth, также известное как День свободы или День освобождения (Juneteenth..., 2011), – американский праздник, посвященный афроамериканскому наследию и отмечаемый людьми всех этнических и расовых групп: «Он посвящен объявлению об отмене рабства в американском штате Техас в 1865 году. Отмечается 19 июня, является сочетанием слов «июнь» и «девятнадцатое», и является государственным праздником в 32 штатах США» (Juneteenth..., 2011).

По сути, День свободы знаменует собой, пожалуй, одно из наиболее значимых событий в американской истории после обретения независимости – искоренение рабства в Америке. Как справедливо указывает М. Тэмм, «использование памяти для (*построения... - Авт.*) идентичности сообщества (от такого маленького, как несколько человек, до такого большого, как нация) высвечивает саму политическую природу истории и памяти» (Tamm, 2022: 544). Й. Хайзинга, говоря о воспитании патриотизма, полагает, что «...патриотизм, который не отражен в прошлом, непрочен, потому что нация, в точности как и индивид, и есть его история» (Huizinga, 1968: 106). Авторитетный российский исследователь истории США, профессор Бондаренко, развивая указанные тезисы, отмечает, что «...отобранные общественным сознанием исторические события в нем романтизируются и героизируются. В результате формируется героико-патриотическое истолкование истории народа и его места в истории всемирной в рамках ее национальной (данной нации) концепции. И трактовка исторических фактов по сути действительно оказывается важнее самих фактов» (Бондаренко, 2023: 141). Поэтому, празднование даты 19 июня, представляет огромную патриотическую и воспитательную важность; в этой точки зрения, установление его общегосударственным праздником в 2021 году Президентом Д. Байденом представляется не просто целесообразным, но и весьма полезным с государственной точки зрения.

Как известно, на протяжении веков рабство было темным пятном в истории США, глубоким противоречием основополагающим идеалам страны: «Жизнь, свобода и стремление к счастью» и «Все люди созданы равными». Когда 1 января 1863 года Авраам Линкольн издал Прокламацию об освобождении рабов, он сделал главный шаг к тому, чтобы стереть это пятно. Но в полной мере его прокламация проявила себя только 19 июня 1865 года или, как его тогда стали называть, в День независимости (дословно «Independence day» – «День независимости», как называли его в то время освобожденные в этот день рабы в Техасе; День свободы не следует путать с праздником Дня независимости (также в англоязычном сегменте именуется «Independence day») и который отмечается 4 июля в честь провозглашения США независимости от Великобритании в 1776-м году). Позднее, во избежание путаницы, 19 июня стали именовать «Emancipation day», т.е. дословно «День свободы».

День свободы США, который афроамериканцы на протяжении многих поколений отмечают с помощью широких застолий и общения, олицетворяет стойкость, независимость и сплоченность чернокожего населения. Это день, который афроамериканцы отмечают в память об окончании рабства и обещании свободы, выраженном в музыке, еде и церемониях (Davis, 2011).

Самый западный из штатов Конфедерации, Техас, в апреле 1865-го года в течение двух месяцев не получал новостей о капитуляции генерала Роберта Ли в Аппоматтоксе. Жители Техаса узнали о капитуляции «южан» лишь когда генерал Гордон Грейнджер, уроженец Нью-Йорка и выпускник Вест-Пойнта с выдающимся послужным списком, прибыл в залив Галвестон с более чем 2 тыс. солдатами Союза. 19 июня он публично зачитал Общий приказ № 3, который начинался так: «Жители Техаса извещаются о том, что в соответствии с указом президента Соединенных Штатов все рабы свободны» (цит. по Davis, 2011).

Как указывает К.С. Дейвис, «250 000 бывших рабов в Техасе с удивлением и недоверием узнали, что они были освобождены Прокламацией об освобождении рабов, которая не могла вступить в силу до окончания войны», причем распространялась она только на штаты, «поднявшие восстание» на момент ее издания (Davis, 2011). Рабы были серьезно озабочены своим новым статусом и, соответственно, опасались своего неопределенного будущего; однако в целом, они были довольны состоянием, «...в котором они могли делать все, что им заблагорассудится; освобожденные рабы Техаса праздновали» (цит. по Davis, 2011). Их момент радости был спонтанным и восторженным, и он положил начало традиции отмечать День свободы 19 июня, начиная с 1866-го года (см. Рисунок 1). Праздник «Девятнадцатое июня», сопровождавшийся радостными песнями, жариванием свинины и родео, укоренился во многих афроамериканских общинах в конце XIX века. Позднее, на территории США было создано много памятников, посвященных Дню свободы (см., напр., Рисунок 2).

Как видим, именно штат Техас был пионером в праздновании «Juneteenth»; со временем эта традиция распространилась и на другие штаты. До введения в реестр федеральных

праздников в 2021-м году, это событие отмечалось в 45-и штатах из 50-ти. Наиболее долго отказывались признавать его штаты Гавайи, Южная Дакота и Северная Дакота.

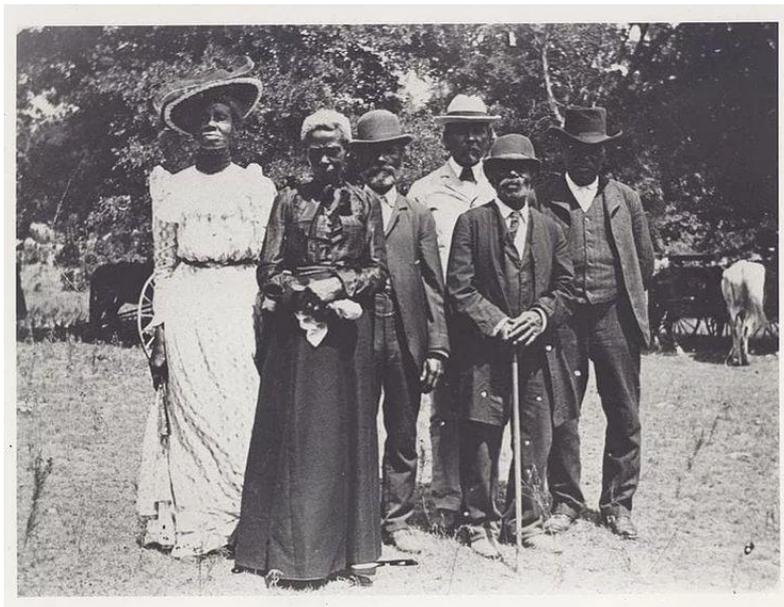

Рис. 1. Празднование Дня свободы (Дня освобождения рабов), Техас, 1900 г.

Однако до определенного времени «Juneteenth» никогда не пользовался признанием со стороны государства. В эпоху Реконструкции и Джима Кроу лишь немногие штаты бывшей Конфедерации были заинтересованы в праздновании эмансипации. А поскольку многие афроамериканцы мигрировали на север, особенно в эпоху Великой депрессии, «Девятнадцатое июня» стал практически забытым пережитком времен Гражданской войны.

Рис. 2. Памятник «Освобождение рабов» (г. Бостон, Массачусетс), созданный в 1913-м году (Бондаренко, 2023: 152).

До отмены рабства американские рабы и все остальные, кто ценил равенство, свободу и независимость, знали, что Декларация независимости означала равенство, свободу и независимость только для некоторых. «Что для американского раба значит ваше 4 июля?» – спросил Фредерик Дуглас, аболиционист и беглый раб, в своей речи в День свободы в 1852 году. «Я отвечаю: это день, который больше, чем любой другой день в году, показывает ему вопиющую несправедливость и жестокость, жертвой которых он постоянно является» (цит. по [Davis, 2011](#)).

Как указывалось выше, не все штаты поддерживают «Juneteenth» и это связано, по мнению Д.М. Бондаренко, прежде всего, с особенностями мышления американцев: «...естественный поиск южанами моральной и психологической компенсации за тяжелое поражение очень быстро привел к появлению мифологии и одновременно идеологии «проигранного дела Конфедерации» (the lost cause of the Confederacy), или просто «проигранного дела» (the lost cause). Именно в ее основу легли представления о благородном и героическом характере трагически проигранного южанами «дела» и о том, что вопрос о рабстве якобы не был существенной причиной войны. При этом рабство на Юге признавалось оправданным, в том числе морально, ввиду его экономической выгоды, а рабовладельцы представлялись людьми, не угнетавшими рабов, но, напротив, патерналистски заботившимися о них» ([Бондаренко, 2023: 155-156](#)).

В свете сказанного, сложно переоценить принятие «Акта о Дне национальной независимости 19 июня» (англ. Juneteenth National Independence Day Act) для упрочнения американской государственности. Данный документ был принят Конгрессом США и подписан Президентом Дж. Байденом 17 июня 2021 года (см. [Рисунок 3](#)). Акт обязывает считать 19 июня федеральным (т.е. общегосударственным праздником) во всех без исключения штатах.

Рис. 1. 46-й Президент США Джозеф Робинетт Байден-младший подписывает Акт о Дне национальной независимости 19 июня, 17 июня 2021 года

5. Заключение

1. День освобождения от рабства или День свободы в Соединенных Штатах Америки отмечается ежегодно 19 июня и символизирует отмену рабства. 46-й Президент США Джо Байден-младший законом от 17 июня 2021 года сделал этот день государственным (федеральным) праздником. Данный праздник стал одиннадцатым государственным праздником США.

2. Перед началом Гражданской войны, которая длилась с 1861 по 1865 год, около четырех миллионов афроамериканцев были рабами в южных штатах США. Конфликт

возник между северными и южными штатами по поводу права рабовладельческих штатов продолжать практику рабства. Война закончилась победой северян, и в результате было отменено рабство в стране. Это стало одним из самых важных событий в американской истории, которое изменило жизнь многих людей и способствовало формированию современного американского общества.

3. Сегодня День освобождения от рабства продолжает оставаться важной датой в американском календаре. Он напоминает о тяжелом прошлом страны и подчеркивает значение борьбы за свободу и равенство для всех граждан. В этот день проводятся памятные мероприятия, включая церемонии возложения цветов, чтения исторических документов и речи общественных деятелей. День также используется для обсуждения современных проблем, связанных с расовым неравенством и дискриминацией, и поиска путей их решения.

4. День освобождения от рабства является символическим днем для многих американцев, особенно для представителей афроамериканского сообщества. Он служит напоминанием о том, как далеко страна прошла в борьбе за свободу и справедливость, но также указывает на необходимость продолжения этой борьбы. Это день, когда люди собираются вместе, чтобы почтить память тех, кто боролся за свои права, и подтвердить свою приверженность идеалам равенства и свободы.

Литература

Бондаренко, 2021 – *Бондаренко Д.М.* Культурная память о гражданской войне и отмене рабства в свете борьбы с расизмом в наши дни в США / *XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов.* Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021.

Бондаренко, 2023 – *Бондаренко Д.М.* Память о гражданской войне, борьба с расизмом и американская нация: конец 2010-х - начало 2020-х гг. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2023. № 1.

Бондаренко, 2024 – *Бондаренко Д.М.* Память о гражданской войне, отмене рабства и борьба с расизмом в США в конце 2010-х - начале 2020-х годов / «Черное наследие»: африканцы и их потомки в исторической памяти США. М., 2024.

Act, 2021 – S. 475. Juneteenth National Independence Day Act. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/475/actions> (дата обращения: 10.09.2024).

Davis, 2011 – *Davis Kenneth C.* Juneteenth: Our Other Independence Day. Two and a half years after the Emancipation Proclamation, American slavery came to an end and a celebration of freedom was born. *Smithsonian.* June 20, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/juneteenth-our-other-independence-day-16340952/> (дата обращения: 21.10.2024).

Huizinga, 1968 – *Huizinga J.J.* Dutch Civilization in the Seventeenth Century and Other Essays. NY.; Evanston, 1968.

Juneteenth..., 2011 – Juneteenth Celebrated in Coachella, Wednesday, 22 June 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20120122071819/http://www.blackvoice.com/news/46366-juneteenth-celebrated-in-coachella.html> (дата обращения: 02.10.2024).

Tamm, 2022 – *Tamm M.* Memory / *The Routledge Companion to Historical Theory.* Abingdon; NY., 2022.

References

Bondarenko, 2021 – *Bondarenko, D.M.* (2021). Kul'turnaya pamyat' o grazhdanskoi voine i otmene rabstva v svete bor'by s rasizmom v nashi dni v SShA [Cultural memory of the Civil War and the abolition of slavery in light of the fight against racism in the United States today]. XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii. Sbornik materialov. Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. [in Russian]

Bondarenko, 2023 – *Bondarenko, D.M.* (2023). Pamyat' o grazhdanskoi voine, bor'ba s rasizmom i amerikanskaya natsiya: konets 2010-kh - nachalo 2020-kh gg. [Memory of the Civil War, the fight against racism, and the American nation: late 2010s - early 2020s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya.* 1. [in Russian]

Bondarenko, 2024 – *Bondarenko, D.M.* (2024). Pamyat' o grazhdanskoi voine, otmene rabstva i bor'ba s razizmom v SShA v kontse 2010-kh - nachale 2020-kh godov [Memory of the Civil War, the abolition of slavery, and the fight against racism in the United States in the late 2010s - early 2020s]. «Chernoie nasledie»: afrikantsy i ikh potomki v istoricheskoi pamyati SShA. M. [in Russian]

Act, 2021 – S. 475. Juneteenth National Independence Day Act. [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/475/actions> (date of access: 10.09.2024).

Davis, 2011 – *Davis, Kenneth C.* (2011). Juneteenth: Our Other Independence Day. Two and a half years after the Emancipation Proclamation, American slavery came to an end and a celebration of freedom was born. Smithsonian. June 20, 2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/juneteenth-our-other-independence-day-16340952/> (date of access: 21.10.2024).

Huizinga, 1968 – *Huizinga, J.J.* (1968). Dutch Civilization in the Seventeenth Century and Other Essays. NY.; Evanston.

Juneteenth..., 2011 – Juneteenth Celebrated in Coachella, Wednesday, 22 June 2011. [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20120122071819/http://www.blackvoiceneeds.com/news/46366-juneteenth-celebrated-in-coachella.html> (date of access: 02.10.2024).

Tamm, 2022 – *Tamm, M.* (2022). Memory. The Routledge Companion to Historical Theory. Abingdon; NY.

19 июня – «День освобождения рабов»: исторический очерк к 160-летию со дня отмены рабства в США

Игорь Кошкин ^{а,*}

^а Американское историческое общество, Вашингтон DC, США

Аннотация. Исторический очерк посвящен 160-летию праздника, символизирующего отмену рабства в США, а именно 19 июня. Материалом послужили работы, освещающие как сам праздник, так и историю процедуры отмены рабовладения в США. Методами исследования выступают историко-системный метод, метод контент-анализа, метод синтеза, метод классификации, историко-генетический метод.

День освобождения от рабства в Соединенных Штатах Америки, известный как Juneteenth, отмечается ежегодно 19 июня и символизирует отмену рабства. 46-й Президент США Джо Байден-младший законом от 17 июня 2021 года сделал этот день государственным (федеральным) праздником. Данный праздник стал одиннадцатым государственным праздником США.

Сегодня День освобождения от рабства продолжает оставаться важной датой в американском календаре. Он напоминает о тяжелом прошлом страны и подчеркивает значение борьбы за свободу и равенство для всех граждан. В этот день проводятся памятные мероприятия, включая церемонии возложения цветов, чтения исторических документов и речи общественных деятелей. День также используется для обсуждения современных проблем, связанных с расовым неравенством и дискриминацией, и поиска путей их решения.

День освобождения от рабства является символическим днем для многих американцев, особенно для представителей афроамериканского сообщества. Он служит напоминанием о том, как далеко страна прошла в борьбе за свободу и справедливость, но также указывает на необходимость продолжения этой борьбы. Это день, когда люди собираются вместе, чтобы почтить память тех, кто боролся за свои права, и подтвердить свою приверженность идеалам равенства и свободы.

Ключевые слова: США, государственные праздники в США, День отмены рабства в США, 19 июня, Juneteenth, День Свободы, Акт о Дне национальной независимости 19 июня.

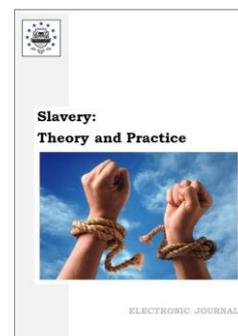
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: Koshk.Ig@yahoo.com (И. Кошкин)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2024. 9(1): 40-47

DOI: 10.13187/slave.2024.1.40
<https://stp.cherkasgu.press>

Michael Hamilton Jameson (1924–2004): Biographical Touches for the 100th Anniversary of His Birth

Anvar Mamadaliev ^{a, *}

^a East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

This study is dedicated to the 100th anniversary of the birth of Michael Hamilton Jameson (1924–2004), a prominent Hellenist, specialist in the history of the Ancient World and historian of slavery. The material was the works of Jameson himself, as well as biographical descriptions posted in the public domain on the Internet. The research methods used are historiographical analysis (content analysis), biographical analysis and the synthesis method.

Michael Jameson is one of the world's leading antiquarians, the author of several monographs and more than 60 articles on Hellenism. Fluent in several languages, Jameson published his articles in English, German and French.

The most famous fundamental work, which was co-authored with Curtis Runnels and Tird van Anandel, is the work "A Greek Countryside: The Southern Argolid from Prehistory to the Present Day", which makes an in-depth analysis of the territory of part of Greece (Argolis) from ancient times to the present day.

Jameson's research interests also include the problems of inscriptions preserved to this day on the territory of Greece, the quality of Hellenistic military-strategic art and politics, the vital activity of famous personalities, Hellenistic sacrifices and religion, the Greco-Persian wars, the evolution of individual territories, slavery, gender relations, etc.

An important place in Jameson's work is occupied by works on archaeology, the author personally participated in excavations in Greece.

Keywords: Michael Hamilton Jameson, 1924–2004, history, antiquity, archaeology, religious studies, epigraphy, Hellenism, Ancient Greece, social history, the history of slavery.

1. Введение

Майкл Хамильтон Джеймсон (1924–2004 гг.) является видным специалистом по истории Древнего мира, а именно – Древней Греции эпохи эллинизма (эллинистом), большой вклад внес в изучение религии эллинов. Помимо антиковедения, был историком рабства, оказал заметное влияние на развитие археологии, социальной истории и эпиграфии. Его археологические полевые работы и находки позволили подтвердить и более качественно исследовать описанные Геродотом греко-персидские войны.

Рукопись посвящена 100-летию со дня рождения этого историка.

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A. Mamadaliev)

2. Материалы и методы

Материалами исследования являются работы М. Джеймсона, а именно «A Greek Countryside: The Southern Argolid from Prehistory to the Present Time» (Jameson et al., 1994), «An Altar for Herakles, in Polis & Politics» (Jameson, 2000), «Agriculture and Slavery in Classical Athens» (Jameson, 1978), «Apollo Lykeios in Athens» (Jameson, 1980), «Michael H. Jameson. Women and Democracy in Fourth-Century Athens» (Jameson, 1997), «Excavations at Porto Cheli, 1970» (Jameson, 1971a), «Sophocles and the Four Hundred» (Jameson, 1971b) и др., а также а также биографические описания, размещенные в открытом доступе в сети Интернет.

В методологической основу исследования легли такие методы как:

– Контент-анализ (историографический метод); предусматривает анализ содержания трудов Джеймсона и его биографов;

– Биографический метод: предусматривает исследование профессионального и творческого пути Джеймсона;

– Метод синтеза: применен для формулирования результатов нашей работы.

Рукопись построена с учетом таких принципов исторической науки как объективность, историзм, конкретность, всесторонность исследования источников и материалов и т.д.

3. Результаты

Майкл Хамилтон Джеймсон родился в г. Лондон (Великобритания) в 15 октября 1924 года в семье преподавателя-филолога. В конце 20-х годов вместе с семьей переехал в Китай (отец работал в Пекинском университете), где он смог выучить китайский и японский языки, попутно познакомившись и с товарищами семьи – известными европейскими учеными, которые также занимались преподаванием и наукой в Пекине.

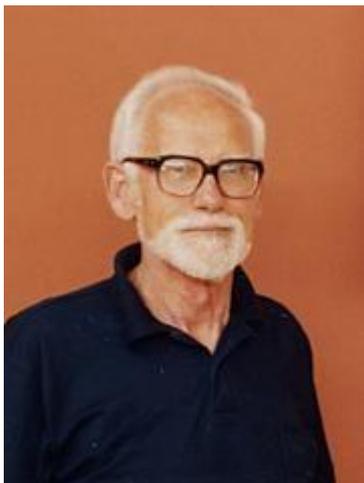

Рис. 1. Майкл Хамилтон Джеймсон (1924–2004 гг.).

В середине 1930-х годов, родители Майкла разводятся, и он вместе с матерью переезжает в родной Лондон. Однако, не видя перспектив в Великобритании, Джеймсон (еще в отрочестве) уезжает в США, учит греческий язык и ускоренным курсом в возрасте 18 лет оканчивает частный Чикагский университет (как специалист по греческому языку). Вообще, Джеймсона по праву можно назвать полиглотом, так как языки, причем разных языковых групп, он усваивал весьма быстро и в совершенстве. При изучении греческого языка, будущий историк плотно заинтересовался антиковедением, однако идущая в самом разгаре Вторая мировая война не дала возможности заниматься наукой. Майкла отправляют на японо-американский фронт переводчиком. Японская культура настолько привлекла молодого ученого, что после войны он на некоторое время остался в Японии, однако любовь к истории в целом, и изучению эллинизма в частности, заставила Джеймсона вернуться в США и защитить докторскую диссертацию по проблемам трапезных жертвоприношений в Древней Греции (в оригинале: «The Offering at Meals: Its Place in Greek Sacrifice»).

Талант ученого не остался незамеченным. В конце 40-х годов XX века он получает стипендию Фулбрайта и, вместе с ней, возможность обучаться в Американской школе классических исследований в г. Афины. Позднее получает стипендию Форда в Институте социальной антропологии Оксфордского университета.

Большую часть жизни проработал профессором в высшей школе, в частности, в университетах Стэнфорда, Чикаго, Пенсильвании. Работал и на административных должностях, в частности, деканом Пенсильванского университета.

Как уже указывалось, сферой интересов Майкла Джеймсона было антиковедение; он – автор нескольких монографий и более 60 статей. Соавторами его работ были такие известные антиковеды и археологи как Тирд ван Андель и Пол Картледж; последний в своих работах весьма комплементарно оценивал научные заслуги Джеймсона.

Наиболее известной фундаментальной работой (выполнена в соавторстве с Кертисом Раннелсом и Тирдом ван Анделем) является «A Greek Countryside: The Southern Argolid from Prehistory to the Present Time» («Греческая сельская местность: Южная Аргоида от доисторических времен до наших дней») (Jameson et al., 1994). Данное историко-археологическое исследование посвящено заселению греками Аргойды (в раскопках древней части которой Джеймсон принимал участие лично), сельскому быту эллинов, их религиозным верованиям и войнам, проходившим на этой территории в период античности, захват Аргоса и соседних номов древними римлянами, социальной жизни и быту греков в эпоху средневековья, Возрождения и Просвещения. Заканчивается работа исследованием современного состояния данной территории, ее экономики, географии, социальной политики и актуальных проблем современности.

В свои работах, опубликованных в известных научных журналах, Джеймсон исследует проблемы древнегреческих героев (Jameson, 1951), сохранившихся до наших дней надписей на территории Пелопоннеса (Jameson, 1953; Jameson, 1958a; Jameson, 1959; Jameson, 1972b; Jameson, 1999a; Jameson et al., 1975), качество военно-стратегического искусства и политики (Jameson, 1955; Jameson, 1956a; Jameson, 1956b), жизнедеятельность таких древнегреческих персоналий как Софокл, Фемистокл и др. (Jameson, 1957; Jameson, 1960b; Jameson, 1962a; Jameson, 1962b; Jameson, 1963; Jameson, 1971b; Jameson, 1976a; Jameson, 1980; Jameson, 1990a), эллинистических жертвоприношений (Jameson, 1958b; Jameson, 1965; Jameson, 1988; Jameson, 1991; Jameson, 2000), религии отдельных греческих полисов (Jameson, 1960a; Jameson, 1993; Jameson, 1994b; Jameson, 1994c; Jameson, 1999b), греко-персидских войн (Jameson, 1961), эволюции отдельных греческих территорий и полисов и их социальных и экономических особенностей (Jameson, Bialor 1962; Jameson, 1974; Jameson, 1976b; Jameson, 1982; Jameson, 1983; Jameson, 1990b; Jameson, 1992; Jameson, Boyd, 1981; Jameson et al., 1993), рабства и его влияние на экономику (Jameson, 1978; Jameson, Cartledge, 2002), искусства эллинов (Jameson, 1985; Jameson, 1986; Jameson, 1994a), политических и социальных гендерных взаимоотношений (Jameson, 1997), сравнительной этнологии (например, греков и латиноамериканцев, Jameson, Malkin, 1998) и др.

Отдельно следует отметить труды по археологии, в раскопках на территории Греции Джеймсон участвовал лично (Jameson, 1967; Jameson, 1969; Jameson, 1971a; Jameson, 1971c; Jameson, 1972a).

В совершенстве владея несколькими языками, Джеймсон публиковал свои статьи на английском, немецком и французском языках.

Умер Майкл Хэмилтон Джеймсон в 2004 году от рака.

4. Заключение

Майкл Хэмилтон Джеймсон является одним из ведущих мировых антиковедов. Является вторым несколькими монографий и более 60 статей по эллинизму. В совершенстве владея несколькими языками, Джеймсон публиковал свои статьи на (как правило) английском, немецком и (крайне редко) французском языках.

Наиболее известной фундаментальной работой, которая выполнена в соавторстве с Кертисом Раннелсом и Тирдом ван Анделем, является труд «Греческая сельская местность: Южная Аргоида от доисторических времен до наших дней», в котором делается глубочайший анализ территории части Греции (Аргойды) с древнейших времен до наших дней.

Также в сфере научных интересов Джеймсона проблемы сохранившихся до наших дней надписей на территории Греции, качество эллинистического военно-стратегического искусства и политики, жизнедеятельность известных персоналий, эллинистических жертвоприношений и религии, греко-персидских войн, эволюции отдельных территорий, рабства, гендерных взаимоотношений и пр.

Важное место в работе Джеймсона занимают труды по археологии, в раскопках на территории Греции автор участвовал лично.

Литература

Jameson et al., 1975 – Jameson M., Verdelis N., Papachristodoulou I. Archaic Inscriptions from Tiryns // *AE*. 1975. 150.

Jameson et al., 1993 – Jameson M.H., Jordan David R., Kotansky Roy D. A lex sacra from Selinous / Greek, Roman, and Byzantine Monographs. Durham: Duke U. Press, 1993.

Jameson et al., 1994 – Jameson M.H., Curtis Runnels, Tjeerd van Andel. A Greek Countryside: The Southern Argolid from Prehistory to the Present Time. Stanford: Stanford University Press, 1994.

Jameson, 1951 – Jameson M.H. The Hero Echelaeus // *TAPA*. 1951. 82.

Jameson, 1953 – Jameson M.H. Inscriptions of the Peloponnesos // *Hesperia*. 1953. 22.

Jameson, 1955 – Jameson M.H. Seniority in the Strategia // *TAPA*. 1955. 86.

Jameson, 1956a – Jameson M.H. Politics and the Philoctetes // *CP*. 1956. 51.

Jameson, 1956b – Jameson M.H. The Vowing of a Pelanos // *AJP*. 1956. 77.

Jameson, 1957 – Jameson M.H. Sophocles II. Chicago: U. of Chicago Press, 1957.

Jameson, 1958a – Jameson M.H. Inscriptions of Karpathos // *Hesperia*. 1958. 27.

Jameson, 1958b – Jameson M.H. The Prehistory of Greek Sacrifice // *AJA*. 1958. 62.

Jameson, 1959 – Jameson M.H. Inscriptions of Hermione, Hydra and Kasos // *Hesperia*. 1959. 28.

Jameson, 1960a – Jameson M.H. Mycenaean Religion // *Archaeology*. 1960. 13.

Jameson, 1960b – Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // *Hesperia*. 1960. 29.

Jameson, 1961 – Jameson M.H. Waiting for the Barbarian. New Light on the Persian Wars // *G&R*. 1961. 8.

Jameson, 1962a – Jameson M.H. The Themistokles Decree. Notes on the Text // *AJA*. 1962. 66.

Jameson, 1962b – Jameson M.H. A Revised Text of the Decree of Themistokles from Troizen // *Hesperia*. 1962. 31.

Jameson, 1963 – Jameson M.H. The Provisions for Mobilization in the Decree of Themistokles // *Historia*. 1963. 12.

Jameson, 1965 – Jameson M.H. Notes on the Sacrificial Calendar from Erchia // *BCH*. 1965. 89.

Jameson, 1967 – Jameson M.H. Halieis. Excavations at Porto Cheli // *AJA*. 1967. 71.

Jameson, 1969 – Jameson M.H. Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report: I: Halieis, 1962-1968 // *Hesperia*. 1969. 38.

Jameson, 1971a – Jameson M.H. Excavations at Porto Cheli, 1970 // *AJA*. 1971. 75.

Jameson, 1971b – Jameson M.H. Sophocles and the Four Hundred // *Historia*. 1971. 20.

Jameson, 1971c – Jameson M.H. Excavations at Porto Cheli // *AD*. 1971. 26.

Jameson, 1972a – Jameson M.H. Excavations at Porto Cheli. Excavations at Halieis. Final Report // *AD*. 1972. 27.

Jameson, 1972b – Jameson M.H. Die archaischen Inschriften von Tiryns, with I. Papachristodoulou, in Akten des VI / Internationalen Kongresses für Griechische und Lateinische Epigraphik. München, 1972.

Jameson, 1974 – Jameson M.H. A Treasury of Athena in the Argolid (IG IV 554). NY: Augustin, 1974.

Jameson, 1976a – Jameson M.H. The Homeric Hymn to Demeter // *Athenaeum*. 1976. 54.

Jameson, 1976b – Jameson M.H. A Greek Countryside. Reports from the Argolid Exploration Project // *Expedition*. 1976. 19.

Jameson, 1978 – Jameson M.H. Agriculture and Slavery in Classical Athens // *CJ*. 1978. 73.

Jameson, 1980 – Jameson M.H. Apollo Lykeios in Athens // *Archaiognosia*. 1980. 1.

Jameson, 1982 – Jameson M.H. The Leasing of Land in Rhamnous, in Studies in Attic Epigraphy, History, and Topography. Princeton: ASCSA, 1982.

- [Jameson, 1983](#) – *Jameson M.H.* Famine in the Greek World, in *Trade and Famine in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge Philol. Soc., 1983.
- [Jameson, 1985](#) – *Jameson M.H.* The Greek Historians. Literature and History. Saratoga, CA: ANMA Libri, 1985.
- [Jameson, 1986](#) – *Jameson M.H.* Labda, Lambda, Labdakos, in *Corinthiaca*. Columbia: U. of Missouri Press, 1986.
- [Jameson, 1988](#) – *Jameson M.H.* Sacrifice and Animal Husbandry in Classical Greece, in *Pastoral Economies in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge Philol. Soc., 1988.
- [Jameson, 1990a](#) – *Jameson M.H.* Perseus, the Hero of Mykenai, in *Celebrations of Death and Divinity in the Bronze Age Argolid / Proceedings of the Sixth International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 11-13 June, 1988*, ed. Robin Hägg & Gullög C. Nordquist. Stockholm: Svenska Inst. i Athen; Göteborg: Åström, 1990.
- [Jameson, 1990b](#) – *Jameson M.H.* Private Space and the Greek City, in *The Greek City from Homer to Alexander*. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- [Jameson, 1991](#) – *Jameson M.H.* Sacrifice before Battle, in *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. London: Routledge, 1991.
- [Jameson, 1992](#) – *Jameson M.H.* The Political and Socio-Economic Structure of the Greek Polis // *SIFC*. 1992. 10.
- [Jameson, 1993](#) – *Jameson M.H.* The Asexuality of Dionysus, in *Masks of Dionysus*. Ithaca: Cornell U. Press, 1993.
- [Jameson, 1994a](#) – *Jameson M.H.* Class in the Ancient Greek Countryside, in *Structures rurales et sociétés antiques / Actes du colloque de Corfou (14-16 mai 1992)*, ed. Panagiotis N. Doukellis et Lina G. Mendoni. Paris: Les Belles Lettres, 1994.
- [Jameson, 1994b](#) – *Jameson M.H.* Theoxenia, in *Ancient Greek Cult Practice from the Epigraphical Evidence: Proceedings of the Second International Seminar on Ancient Greek Cult, Organized by the Swedish Institute at Athens, 22-24 November 1991*, ed. Robin Hägg. Sävedalen: Åström, 1994.
- [Jameson, 1994c](#) – *Jameson M.H.* The Ritual of the Athena / Nike Parapet. Ritual, Finance, Politics. Oxford: Clarendon Press, 1994.
- [Jameson, 1997](#) – *Jameson M.H.* Women and Democracy in Fourth-Century Athens / *Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne: hommages à Yvon Garlan*, ed. Pierre Brulé & Jacques Oulhen. Rennes: Presse universitaires de Rennes, 1997.
- [Jameson, 1999a](#) – *Jameson M.H.* Inscriptions from Cos and Oropus // *CP*. 1999. 94.
- [Jameson, 1999b](#) – *Jameson M.H.* The Spectacular and the Obscure in Athenian Religion / *Performance Culture and Athenian Democracy*. Cambridge & New York: Cambridge U. Press, 1999.
- [Jameson, 2000](#) – *Jameson M.H.* An Altar for Herakles. Polis & Politics / *Studies in Ancient Greek History Presented to Mogens Herman Hansen on His Sixtieth Birthday, August 20, 2000*, ed. Pernille Flensted-Jensen, Thomas Heine Nielsen & Lene Rubinstein. Copenhagen: Museum Tusulanum Presse, 2000.
- [Jameson, Bialor 1962](#) – *Jameson M.H., Bialor P.A.* Palaeolithic in the Argolid // *AJA*. 1962. 66.
- [Jameson, Boyd, 1981](#) – *Jameson M.H., Boyd T.W.* Urban and Rural Land Division in Ancient Greece // *Hesperia*. 1981. 50.
- [Jameson, Cartledge, 2002](#) – *Jameson M.H., Cartledge P.* The Political Economy of Greek Slavery, in *Money, Labour and Land / Approaches to the Economies of Ancient Greece*, ed. Paul Cartledge et al. London: Routledge, 2002.
- [Jameson, Malkin, 1998](#) – *Jameson M.H., Malkin I.* Latinos and the Greeks // *Athenaeum*. 1998. 86-2.

References

- [Jameson et al., 1975](#) – *Jameson, M., Verdelis, N., Papachristodoulou, I.* (1972). Archaic Inscriptions from Tiryns. *AE*. 150.
- [Jameson et al., 1993](#) – *Jameson, M.H., Jordan, David R., Kotansky, Roy D.* (1993). A lex sacra from Selinous. *Greek, Roman, and Byzantine Monographs*. Durham: Duke U. Press.
- [Jameson et al., 1994](#) – *Jameson, M.H., Curtis, Runnels, Tjeerd, van Andel.* (1994). *A Greek Countryside: The Southern Argolid from Prehistory to the Present Time*. Stanford: Stanford University Press.

- Jameson, 1951 – Jameson, M.H. (1951). The Hero Echetaeus. *TAPA*. 82.
- Jameson, 1953 – Jameson, M.H. (1953). Inscriptions of the Peloponnesos. *Hesperia*. 22.
- Jameson, 1955 – Jameson, M.H. (1955). Seniority in the Strategia. *TAPA*. 86.
- Jameson, 1956a – Jameson, M.H. (1956). Politics and the Philoctetes. *CP*. 51.
- Jameson, 1956b – Jameson, M.H. (1956). The Vowing of a Pelanos. *AJP*. 77.
- Jameson, 1957 – Jameson, M.H. (1957). Sophocles II. Chicago: U. of Chicago Press.
- Jameson, 1958a – Jameson, M.H. (1958). Inscriptions of Karpathos. *Hesperia*. 27.
- Jameson, 1958b – Jameson, M.H. (1958). The Prehistory of Greek Sacrifice. *AJA*. 62.
- Jameson, 1959 – Jameson, M.H. (1959). Inscriptions of Hermione, Hydra and Kasos. *Hesperia*. 28.
- Jameson, 1960a – Jameson, M.H. (1960). Mycenaean Religion. *Archaeology*. 13.
- Jameson, 1960b – Jameson, M.H. (1960). A Decree of Themistokles from Troizen. *Hesperia*. 29.
- Jameson, 1961 – Jameson, M.H. (1961). Waiting for the Barbarian. *New Light on the Persian Wars*. *G&R*. 8.
- Jameson, 1962a – Jameson, M.H. (1962). The Themistokles Decree. Notes on the Text. *AJA*. 66.
- Jameson, 1962b – Jameson, M.H. (1962). A Revised Text of the Decree of Themistokles from Troizen. *Hesperia*. 31.
- Jameson, 1963 – Jameson, M.H. (1963). The Provisions for Mobilization in the Decree of Themistokles. *Historia*. 12.
- Jameson, 1965 – Jameson, M.H. (1965). Notes on the Sacrificial Calendar from Erchia. *BCH*. 89.
- Jameson, 1967 – Jameson, M.H. (1967). Halieis. Excavations at Porto Cheli. *AJA*. 71.
- Jameson, 1969 – Jameson, M.H. (1969). Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report: I: Halieis, 1962-1968. *Hesperia*. 38.
- Jameson, 1971a – Jameson, M.H. (1971). Excavations at Porto Cheli, 1970. *JA*. 75.
- Jameson, 1971b – Jameson, M.H. (1971). Sophocles and the Four Hundred. *Historia*. 20.
- Jameson, 1971c – Jameson, M.H. (1971). Excavations at Porto Cheli. *AD*. 26.
- Jameson, 1972a – Jameson, M.H. (1972). Excavations at Porto Cheli. Excavations at Halieis. Final Report. *AD*. 27.
- Jameson, 1972b – Jameson, M.H. (1972). Die archaischen Inschriften von Tiryns, with I. Papachristodoulou, in *Akten des VI. Internationalen Kongresses für Griechische und Lateinische Epigraphik*. München.
- Jameson, 1974 – Jameson, M.H. (1974). *A Treasury of Athena in the Argolid (IG IV 554)*. NY: Augustin.
- Jameson, 1976a – Jameson, M.H. (1976). The Homeric Hymn to Demeter. *Athenaeum*. 54.
- Jameson, 1976b – Jameson, M.H. (1976). A Greek Countryside. Reports from the Argolid Exploration Project. *Expedition*. 19.
- Jameson, 1978 – Jameson, M.H. (1978). Agriculture and Slavery in Classical Athens. *CJ*. 73.
- Jameson, 1980 – Jameson, M.H. (1980). Apollo Lykeios in Athens. *Archaïognosia*. 1.
- Jameson, 1982 – Jameson, M.H. The Leasing of Land in Rhamnous, in *Studies in Attic Epigraphy, History, and Topography*. Princeton: ASCSA, 1982.
- Jameson, 1983 – Jameson, M.H. (1983). Famine in the Greek World, in *Trade and Famine in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge Philol. Soc.
- Jameson, 1985 – Jameson, M.H. (1985). *The Greek Historians. Literature and History*. Saratoga, CA: ANMA Libri.
- Jameson, 1986 – Jameson, M.H. (1986). Labda, Lambda, Labdakos, in *Corinthiaca*. Columbia: U. of Missouri Press.
- Jameson, 1988 – Jameson, M.H. (1988). Sacrifice and Animal Husbandry in Classical Greece, in *Pastoral Economies in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge Philol. Soc.
- Jameson, 1990a – Jameson, M.H. (1990). Perseus, the Hero of Mykenai, in *Celebrations of Death and Divinity in the Bronze Age Argolid. Proceedings of the Sixth International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 11-13 June, 1988*, ed. Robin Hägg & Gullög C. Nordquist. Stockholm: Svenska Inst. i Athen; Göteborg: Åström
- Jameson, 1990b – Jameson, M.H. (1990). Private Space and the Greek City, in *The Greek City from Homer to Alexander*. Oxford: Clarendon Press.
- Jameson, 1991 – Jameson, M.H. (1991). Sacrifice before Battle, in *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. London: Routledge.

[Jameson, 1992](#) – *Jameson, M.H.* (1992). The Political and Socio-Economic Structure of the Greek Polis. *SIFC*. 10.

[Jameson, 1993](#) – *Jameson, M.H.* (1993). The Asexuality of Dionysus, in *Masks of Dionysus*. Ithaca: Cornell U. Press.

[Jameson, 1994a](#) – *Jameson, M.H.* (1994). Class in the Ancient Greek Countryside, in *Structures rurales et sociétés antiques. Actes du colloque de Corfou (14-16 mai 1992)*, ed. Panagiotis N. Doukellis et Lina G. Mendoni. Paris: Les Belles Lettres.

[Jameson, 1994b](#) – *Jameson, M.H.* (1994). Theoxenia, in *Ancient Greek Cult Practice from the Epigraphical Evidence: Proceedings of the Second International Seminar on Ancient Greek Cult, Organized by the Swedish Institute at Athens, 22-24 November 1991*, ed. Robin Hägg. Sävedalen: Åström.

[Jameson, 1994c](#) – *Jameson, M.H.* (1994). The Ritual of the Athena. Nike Parapet. *Ritual, Finance, Politics*. Oxford: Clarendon Press.

[Jameson, 1997](#) – *Jameson, M.H.* (1997). Women and Democracy in Fourth-Century Athens. *Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne: hommages à Yvon Garlan*, ed. Pierre Brulé & Jacques Oulhen. Rennes: Presse universitaires de Rennes.

[Jameson, 1999a](#) – *Jameson, M.H.* (1999). Inscriptions from Cos and Oropus. *CP*. 94.

[Jameson, 1999b](#) – *Jameson, M.H.* (1999). The Spectacular and the Obscure in Athenian Religion. *Performance Culture and Athenian Democracy*. Cambridge & New York: Cambridge U. Press,.

[Jameson, 2000](#) – *Jameson, M.H.* (2000). An Altar for Herakles. *Polis & Politics. Studies in Ancient Greek History Presented to Mogens Herman Hansen on His Sixtieth Birthday, August 20, 2000*, ed. Pernille Flensted-Jensen, Thomas Heine Nielsen & Lene Rubinstein. Copenhagen: Museum Tusulanum Presse.

[Jameson, Bialor 1962](#) – *Jameson, M.H., Bialor, P.A.* (1962). Palaeolithic in the Argolid. *AJA*. 66.

[Jameson, Boyd, 1981](#) – *Jameson, M.H., Boyd, T.W.* (1981). Urban and Rural Land Division in Ancient Greece. *Hesperia*. 50.

[Jameson, Cartledge, 2002](#) – *Jameson, M.H., Cartledge, P.* (2002). The Political Economy of Greek Slavery, in *Money, Labour and Land. Approaches to the Economies of Ancient Greece*, ed. Paul Cartledge et al. London: Routledge.

[Jameson, Malkin, 1998](#) – *Jameson, M.H., Malkin, I.* (1998). Latinos and the Greeks. *Athenaeum*. 86-2.

Майкл Хамилтон Джеймсон (1924–2004 гг.): биографические штрихи к 100-летию юбилею со дня рождения

Анвар Мамадалиев ^{а,*}

^а Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено 100-летию со дня рождения Майкла Хамилтона Джеймсона (1924–2004 гг.), видного эллиниста, специалиста по истории Древнего мира и историка рабства. Материалом послужили работы самого Джеймсона, а также биографические описания, размещенные в открытом доступе в сети Интернет. В качестве методов исследования применены историографический анализ (контент-анализ), биографический анализ и метод синтеза.

Майкл Джеймсон является одним из ведущих мировых антиковедов, автором нескольких монографий и более 60 статей по эллинизму. В совершенстве владея несколькими языками, Джеймсон публиковал свои статьи на английском, немецком и французском языках.

Наиболее известной фундаментальной работой, которая выполнена в соавторстве с Кертисом Раннелсом и Тирдом ван Анделем, является труд «Греческая сельская местность:

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А. Мамадалиев)

Южная Аргонида от доисторических времен до наших дней», в котором делается глубочайший анализ территории части Греции (Аргониды) с древнейших времен до наших дней.

Также, в сфере научных интересов Джеймсона проблемы сохранившихся до наших дней надписей на территории Греции, качество эллинистического военно-стратегического искусства и политики, жизнедеятельность известных персоналий, эллинистических жертвоприношений и религии, греко-персидских войн, эволюции отдельных территорий, рабства, гендерных взаимоотношений и пр.

Важное место в работе Джеймсона занимают труды по археологии, в раскопках на территории Греции автор участвовал лично.

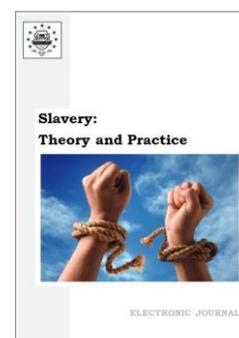
Ключевые слова: Майкл Хамилтон Джеймсон, 1924–2004 гг., история, антиковедение, археология, религиоведение, эпиграфия, эллинизм, Древняя Греция, социальная история, история рабства.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2024. 9(1): 48-58

DOI: 10.13187/slave.2024.1.48
<https://stp.cherkasgu.press>

Human Rights Abuses under Diplomatic Protection: The Issue of Modern Slavery and Forced Labor

Vladyslava M. Zavhorodnia ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article explores the complex dynamics of human rights violations within diplomatic immunity, focusing on modern slavery and forced labor practices. The core of the study highlights how diplomatic immunity, as governed by the Vienna Convention on Diplomatic Relations, has unintentionally sheltered exploitative practices in diplomatic households, where forced labor often occurs without consequence. This immunity complicates enforcement and justice efforts for victims, especially domestic workers trafficked into servitude within diplomatic residences.

The article calls for more robust legal mechanisms and international cooperation to address these abuses effectively. Ultimately, the study stresses the need for a balanced approach that respects diplomatic protocols while preventing human rights violations. The decision in *Basfar v. Wong*, in which the Supreme Court of the United Kingdom held for the first time that the systematic exploitation of domestic labor for financial gain can be qualified as a “commercial activity” and thus not subject to diplomatic immunity, is considered as an important precedent in the context of the problem under study. This decision creates opportunities for new approaches in the protection of workers' rights and sets an example for other countries.

In conclusion, the author advocates for a balanced approach to diplomatic immunity – one that respects the rights of states to protect their diplomats while ensuring that human rights abuses are addressed. International law must continue to evolve, with the application of immunity carefully scrutinized in cases of forced labor and human trafficking. This evolving interpretation promotes a necessary balance between diplomatic privilege and the protection of individual rights, underscoring that no individual or institution should be beyond the reach of justice when human rights are at stake.

Keywords: diplomatic immunity, Vienna Convention on Diplomatic Relations, private servants, forced labor, human trafficking, domestic servitude, diplomatic households.

1. Introduction

The international legal efforts to combat slavery, forced labor, and human trafficking have evolved significantly over centuries, reflecting a global commitment to uphold human rights and dignity. The fight against slavery began in earnest in the 19th century, with the 1815 Congress of Vienna, where European powers declared their opposition to the transatlantic slave trade, adopting the Vienna Declaration Relative to Universal Abolition of the Slave Trade ([Handbook, 2012: 131](#)). The General Act of the Brussels Conference of 1890 (Convention Relative to the Slave Trade and Importation into Africa of Firearms, Ammunition, and Spiritous Liquors aimed to combat the slave

* Corresponding author

E-mail addresses: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (V.M. Zavhorodnia)

trade in Africa) marked one of the first attempts at collective international action against slavery ([General act, 1890](#)). The Slavery Convention of 1926 established a more complex international legal framework under the League of Nations ([Convention, 1926](#)).

The issue of forced labor gained prominence with establishing the International Labor Organization (ILO) in 1919. The Forced Labor Convention (No. 29), adopted in 1930, required member states to suppress the use of forced or compulsory labor in all its forms (Article 1). This convention laid the groundwork for further efforts, emphasizing the eradication of practices where individuals are forced to work against their will under the threat of punishment ([Convention, 1930](#)). It was complemented by the Abolition of Forced Labour Convention (No. 105) in 1957, which called for the immediate abolition of forced labor used as a means of political coercion or punishment ([Convention, 1957](#)).

The Universal Declaration of Human Rights (UDHR), adopted in 1948, firmly states in Article 4 that “no one shall be held in slavery or servitude; slavery and the slave trade shall be prohibited in all their forms” ([Declaration, 1948](#)). Building on this, the Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery of 1956 targeted practices that resemble slavery, such as debt bondage, serfdom, and child servitude ([Supplementary Convention, 1956](#)).

The modern challenge of human trafficking, often linked to forced labor and slavery, led to the adoption of the Protocol to Prevent, Suppress, and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, known as the Palermo Protocol, in 2000 ([Palermo Protocol, 2000](#)). The Protocol supplements the United Nations Convention against Transnational Organized Crime ([Convention, 2000](#)) and defines human trafficking broadly, including acts like recruitment, transportation, and harboring of individuals through force, coercion, or deception for exploitation (Article 3).

In 2015, the United Nations Sustainable Development Goals ([SDGs, 2015](#)) further emphasized the global commitment to ending modern slavery and human trafficking. Goal 8, “Decent work and economic growth,” calls for the eradication of forced labor, human trafficking, and child labor in all its forms by 2030. It underscores the intersection of economic development and human rights in fighting against these practices, encouraging states to take comprehensive measures to protect vulnerable populations.

Throughout this evolution, international law has increasingly recognized the complex and multifaceted nature of slavery, forced labor, and human trafficking. While significant progress has been made through these conventions and protocols, challenges remain in ensuring effective enforcement and protection for victims worldwide. There remain quite a few loopholes in the law, both national and international, that allow people to be exploited and held in slavery-like conditions with impunity. Domestic servitude in diplomatic households is one quite common problem, which is extremely difficult to solve due to the peculiarities of the legal status of diplomatic agents. Workers employed in diplomatic households are particularly vulnerable to exploitation, as they may be isolated, lack access to legal support, and fear deportation or loss of employment if they report abuse. Despite international treaties prohibiting forced labor and human trafficking, enforcing these laws within the realm of diplomatic premises remains challenging due to the immunity provided to diplomats and their residences.

This study highlights the legal challenges faced by victims of domestic servitude within diplomatic premises and explores potential solutions to balance diplomatic immunity with the protection of fundamental human rights. It aims to examine the intersection between diplomatic privileges and the enforcement of labor rights, contributing to the broader discourse on human rights and diplomatic law.

The goal of the article is to analyze the legal framework governing diplomatic immunity and its impact on addressing cases of domestic servitude and forced labor in diplomatic missions. The study seeks to explore the extent to which diplomatic immunity obstructs the enforcement of labor rights and to propose mechanisms that could better protect the rights of vulnerable workers without undermining the principles of diplomatic relations.

The key objectives of the study are: 1) to examine the legal basis and scope of diplomatic immunity under international law, focusing on the Vienna Convention on Diplomatic Relations and related legal instruments; 2) to analyze case studies of domestic servitude and forced labor within diplomatic missions, identifying common patterns of abuse and challenges faced by victims

in seeking justice; 3) to assess the effectiveness of existing international and national legal instruments for addressing forced labor in the context of diplomatic immunity; to propose recommendations for mechanisms that could enhance the protection of domestic workers employed in diplomatic households, ensuring compliance with international human rights standards while respecting the principles of diplomatic immunity.

2. Materials and methods

The research adopts a complex approach, integrating doctrinal and comparative legal methods, involving a detailed analysis of legal texts of relevant international treaties and comparing legislation and case law of the host countries where cases of domestic servitude in diplomatic missions have been reported. Comparative analysis also contributes to identifying patterns and differences in how states address such issues, including the interpretation and application of diplomatic immunity. The case study analysis is used for the exploration of reported cases of domestic servitude and forced labor involving diplomatic staff, drawing from both international and domestic court cases. It helps to assess how legal principles are applied in practice and the challenges faced by victims seeking redress. Content analysis contributes to understanding the broader context of forced labor issues and recommended practices. It was used primarily to analyze reports and publications from international organizations such as the International Labor Organization (ILO), the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), the OSCE Office of the Special Representative and Coordinator for Combating Trafficking in Human Beings, and NGOs working on human trafficking and labor rights. It will help understand the broader context of forced labor issues and recommended practices.

To achieve the study's objective, the author examines relevant international agreements, resolutions, and guidelines proposed by international governmental bodies, as well as reports and advancements from international NGOs. The current prevalence of domestic servitude in diplomatic missions was evaluated using statistics and data summaries released by international organizations, alongside media reports illustrating specific enslavement cases. By analyzing court decisions, the study uncovered approaches developed within justice systems to combat forced labor and to harmonize such measures with the principles of diplomatic law.

3. Discussion

The Vienna Convention on Diplomatic Relations of 1961 ([Vienna Convention, 1961](#)) codifies the privileges and immunities afforded to diplomatic agents. Outlining several privileges and immunities granted to diplomatic agents, the Convention provides the legal framework crucial for the proper implementation of diplomatic functions. These privileges and immunities form the cornerstone of diplomatic law, ensuring that diplomatic agents can perform their duties without undue interference.

□ Researchers point to the strong adherence to the law in the practice of diplomatic immunity because, almost like in no other area of international law, the mutual benefits of compliance are clear and visible. Nearly every state that hosts a foreign diplomatic mission will have its own embassy on the territory of the sending state. Every country wants to have its own diplomats working abroad and its diplomatic mail and archives to receive the protections provided by international law. The principle of reciprocity thus serves as a robust safeguard against violations of diplomatic law by states ([Higgins, 1985: 641](#); [Värk, 2003: 111](#)). If cases of violations of diplomatic immunity occur, they usually lead to high-profile diplomatic scandals and even to the breakdown of diplomatic relations. For example, an incident of this kind took place in 2024. Ecuadorian authorities raided the Mexican Embassy in Quito to arrest Jorge Glas, a former Ecuadorian vice president, who had sought asylum there. Glas, previously convicted of corruption, claimed he was being politically persecuted. Mexico granted him asylum and requested safe passage, but Ecuador proceeded with the raid. Citing imminent flight risk, Ecuador justified its actions by claiming the embassy was harboring a convicted individual and posed a threat to Ecuador's judicial proceedings ([Bargent, 2024](#)). The conflict strained diplomatic relations significantly. Mexico viewed the embassy raid as a direct violation of diplomatic immunity and swiftly suspended diplomatic relations with Ecuador, condemning the act as a breach of international law. This action drew condemnation from other Latin American countries, as well as the Organization of American States (OAS), which called for a diplomatic resolution. Argentina,

Brazil, and Chile, among others, expressed solidarity with Mexico and rejected Ecuador's decision to breach embassy security, underscoring the importance of diplomatic sanctity in such cases. Currently, both Mexico and Ecuador have filed lawsuits against each other at the UN International Court of Justice (ICJ, 2024a; ICJ, 2024b)

Therefore, compliance with the obligations towards the diplomatic community in one's own country is widely viewed as an important factor in ensuring both effective diplomatic relations and international cooperation in general.

Among diplomatic privileges and immunities, personal inviolability stands out as paramount. It's considered the core diplomatic immunity, from which all others stem. Article 29 of the Vienna Convention (Vienna Convention, 1961) governs this crucial protection, safeguarding diplomats from arrest or detention. The Convention also obligates the receiving State to treat the diplomatic agent with due respect and take all appropriate steps to prevent any attack on his/her person, freedom, or dignity. Article 29 protects diplomats from legal actions, even in cases where they engage in illegal practices.

Articles 30-32 of the Vienna Convention on Diplomatic Relations address specific protections and rights related to diplomatic agents and their family members. According to Article 30, private residences of diplomatic agents are granted the same inviolability and protection as the premises of the mission (The host State cannot enter them without the explicit consent of the head of the mission. It is obligated to take all appropriate measures to protect the premises of the diplomatic mission from any form of intrusion, damage, or disruption. All premises, furniture, property, and vehicles used for diplomatic purposes are exempt from search, requisition, arrest, or enforcement actions). The papers, correspondence, and property of diplomatic agents also enjoy protection from any intrusion or infringement.

Article 31 provides diplomatic agents enjoy immunity from the criminal jurisdiction of the receiving State. They also have immunity from civil and administrative jurisdiction, except in cases of real property claims for private immovable property in the receiving State, unless held on behalf of the sending State for mission purposes; inheritance matters where the agent acts as executor, administrator, heir, or legatee in a private capacity; actions related to professional or commercial activities outside official functions. In addition, diplomatic agents are not obliged to give evidence as witnesses. No enforcement measures can be taken against a diplomatic agent except in the above cases, and only if they don't violate their personal inviolability or residence. Nevertheless, immunity from jurisdiction in the receiving State doesn't exempt the agent from the jurisdiction of the sending State.

Diplomatic personal inviolability also encompasses customs immunity, which consists of three key elements: the unrestricted import and export of goods intended for official and personal use, exemption of these goods from customs duties, and, as a general rule, exemption of personal luggage from customs inspection.

Diplomatic agents are exempt from all taxes, fees, and duties (personal, property, state, regional, and municipal) in the receiving state, except for indirect taxes included in goods/services prices; fees on private real estate, unless used for mission purposes; inheritance taxes, with some exceptions; taxes on private income sourced in the receiving state and on commercial investments; charges for specific services; registration, court, and property-related fees (e.g., mortgage, stamp duty).

This comprehensive protection ensures diplomats can carry out their duties without interference, while also enjoying certain practical freedoms in their host country.

The 1961 Vienna Convention on Diplomatic Relations provides diplomats with immunity from criminal prosecution in the host country, acting as a protective "cloak of invisibility." The Convention's noble purpose is to ensure the unobstructed fulfillment of diplomatic duties. However, in the hands of unscrupulous persons, this protection can turn into a license for impunity. Abuse of diplomatic immunity is surprisingly common among diplomatic agents. It is not only about elementary violations of traffic rules by cars with diplomatic license plates or non-payment for parking. Although the consequences of such violations can also be spectacular. For example, The Guardian cites impressive facts for 2016. In Canberra, Australia, diplomats representing various foreign countries owe the city more than A\$500,000 – mostly in unpaid parking fines. Fines for running red lights and speeding were also common. Saudi diplomats alone owe almost 140,000 Australian dollars. In New York, parking tickets issued to UN diplomats totaled more than \$16 million. Here, Egypt was the worst offender, with nearly \$2 million in debt.

In London, diplomats failed to pay 4,858 parking fines in just one year, running up a debt of £477,499 ([The Guardian, 2016](#)). Scholars quite rightly call such practices a culture of corruption among diplomats ([Fisman, Miguel, 2006](#))

Diplomats often commit much more serious actions to the detriment of the host state or private individuals. Crimes such as money laundering, espionage, and even human trafficking – offenses that would land an ordinary person in prison – may go unpunished when committed by diplomats.

In the mid-1970s, it was discovered that certain diplomatic missions were in possession of firearms, violating local laws. Moreover, it appeared that these weapons were often smuggled in through diplomatic channels. Various Western countries have experienced terrorist incidents where it's believed that the weapons used originated from diplomatic sources. There was a widespread belief that some foreign governments were actively promoting state terrorism against exiled dissidents by involving their embassies in the host countries ([Higgins, 1985: 643](#)).

In practice, abuse of diplomatic immunity often occurs when diplomats or associates seek to achieve specific social, political, or religious objectives that contravene the Vienna Convention and diplomatic responsibilities. Such motives run counter to the Vienna Convention's preamble, which underscores that diplomatic immunity should not serve individual interests but should facilitate the effective performance of diplomatic functions. Any attempt to pursue non-diplomatic goals undermines the principles of diplomatic immunity and privileges. Researchers notice that the main categories of abuse are personal, political, and cultural ([Nikolova-Marković & Baltezarević, 2020: 12](#)).

Political abuse of diplomats includes espionage under the guise of diplomatic immunity, bribery of politicians in the host country, and other types of illegal political manipulation. Furthermore, the freedom of movement and communication granted to diplomats can, in the wrong hands, serve as a tool for intelligence operations and coordination of illicit activities. Personal abuse is aimed at personal enrichment or other material or non-material benefits. Diplomatic residences, shielded from searches and arrests, may become ideal sites for smuggling or safe havens for criminals. Diplomatic bag, exempt from inspections, may contain not only confidential messages but also prohibited goods. Customs privileges, initially intended to facilitate international communications, can be exploited as loopholes for smugglers and money launderers. Cultural abuse may involve the implementation of practices that are culturally (and in some cases legally) unacceptable in the host country (hunting or trading endangered species, physical punishment of family members of household workers, etc.). However, there are cases when abuses are complex in nature, combining political, cultural, personal and other aspects.

For example, in 2017 the Global Initiative against Transnational Organized Crime presented the Report uncovered state-supported North Korean criminal operations in Africa, highlighting the involvement of diplomats and embassies in illegal trade activities involving rhino horn, ivory, cigarettes, and minerals. The Global Initiative's research connects holders of North Korean diplomatic passports to at least 18 cases of rhino horn and ivory trafficking over the three decades. Using interviews with senior North Korean defectors, diplomatic and government insiders, along with a comprehensive review of documents, press articles, and academic research, the Report, titled *Diplomats and Deceit – North Korea's Criminal Activities in Africa*, investigated North Korea's connections to illicit networks within Africa. It also suggested that North Korean embassies in several African countries are deeply embedded in complex criminal activities aimed at supporting the Kim Jong-un regime and financially benefiting North Korean diplomats ([Global Initiative, 2017](#)).

Nonetheless, it would be unjust to assume that all diplomats misuse their privileges. The majority of diplomats dutifully serve their roles, advancing international cooperation and mutual understanding. However, even isolated cases of abuse cast a shadow over the entire diplomatic community and erode trust in international institutions.

4. Results

As seen from the above, the inviolability of diplomats and their property is a challenge in achieving justice. Compared to other abuses by diplomats, the use of forced domestic workers and human trafficking is one of the most latent offenses. Multifaceted factors create significant barriers for authorities in detecting and addressing exploitation in diplomatic settings, ultimately making cases of trafficking and forced labor within these environments difficult to identify and prosecute.

According to Article 30 of Vienna Convention “The private residence of a diplomatic agent shall enjoy the same inviolability and protection as the premises of the mission” ([Vienna Convention, 1961](#)). Therefore, diplomatic households are considered to be inviolable, meaning that host country officials, such as police or security forces, cannot enter them without permission from the head of the mission. Situations of domestic servitude that have gained public attention and caused negative consequences for diplomats have mostly involved cases where victims escaped or attempted to seek help outside the diplomatic residence. On the other hand, it should be understood that victims working within diplomatic residences or embassies are often isolated and have limited access to outside help. Language barriers, lack of local connections, and the risk of retaliation often prevent them from seeking assistance or contacting authorities, further concealing these abuses. Diplomats may use their position of authority to intimidate victims, who fear deportation, loss of livelihood, or even harm to their families back home if they report their treatment. The dependency on employers for visas and residency, especially in foreign countries, heightens the victims' vulnerability. Even in cases where domestic servitude or human trafficking becomes evident, diplomatic immunities and privileges limit victims' access to justice and hinder the prosecution of those responsible.

However, despite the requirements of diplomatic law, certain measures may still be applied to diplomatic agents guilty of such illegal acts. When a case of domestic servitude, forced labor, or human trafficking is discovered involving a diplomatic agent in the course of their duties in the host country, the receiving state has several options for addressing the situation. The host country can declare the diplomat *persona non grata* (Article 9 of Vienna Convention), effectively expelling him or her from the country. This is one of the most common responses when serious abuses are discovered and allows the host state to remove the diplomat without violating diplomatic immunity.

The host country can formally raise the issue with the diplomat's home country through diplomatic channels. This may involve a formal diplomatic protest or communication expressing concern, seeking accountability, or requesting that the home country take action against the diplomat. The host state can also request that the diplomat's home country waive the agent's immunity to allow for criminal prosecution or civil suits in the host country. Although this waiver is rare, it is an option for serious offenses.

Even with such limited possibilities for responding to diplomats' criminal actions, states do not always make use of them. In 2015, a Saudi diplomat, Majed Hassan Ashoor, faced accusations in India of imprisoning and repeatedly abusing two Nepali domestic workers in his residence near Delhi. Two women of 30 and 50 years old reported physical and sexual abuse, and an investigation was initiated. However, due to Ashoor's diplomatic immunity under the Vienna Convention, Indian authorities were unable to prosecute him. The case sparked significant international outcry, especially from Nepal, but Ashoor was ultimately permitted to leave India without facing legal consequences ([Presse, 2015](#)).

The clear reason for India's actions in this case appears to be political, reflecting its reluctance to confront Saudi Arabia. In contrast, judicial practices in countries like the USA and the UK closely examine the timing of diplomatic immunity. When a person has ended their diplomatic role or if criminal actions occurred before their appointment, accountability becomes more likely. The case *Reyes v. Al-Malki* (2017, United Kingdom Supreme Court) deals with human trafficking allegations made by Ms. Reyes, a Philippine national employed as a domestic worker for Mr. and Mrs. Al-Malki in London. Mr. Al-Malki, a Saudi diplomat, allegedly exploited Reyes, confiscated her passport, controlled her movements, and did not pay her wages until her employment abruptly ended upon her escape. The diplomatic agent and his wife left the United Kingdom when Mr. Al-Malki's posting comes to an end. Reyes initiated legal proceedings in the Employment Tribunal for race discrimination, unlawful wage deductions, and failure to pay the national minimum wage. However, the Employment Tribunal determined it lacked jurisdiction due to Mr. Al-Malki's diplomatic immunity, which Mrs. Al-Malki also claimed as a family member. The UK Supreme Court ruled that the domestic worker Ms. Reyes could pursue her claim, though based on limited grounds. Article 31 of the Vienna Convention grants immunity only while a diplomat is actively serving. After leaving their post, diplomats retain immunity under Article 39(2) only for acts related to official functions. Ms. Reyes's services to Mr. and Mrs. Al-Malki were deemed personal, not official. The Court did not definitively rule on whether employing a domestic worker for

personal tasks constitutes “commercial activity” under Article 31(1)(c), a point which led to differing opinions among the justices ([Reyes v. Al-Malki, 2017](#)).

In certain cases, legal actions against non-immune individuals may work. If other individuals involved in the abuse (such as third-party associates) do not have diplomatic immunity, the host country may pursue legal action against them. This can include criminal charges, civil suits, or both.

Finally, the host country can offer support to the victim by providing shelter, legal assistance, or access to social services. This includes facilitating the victim's access to justice and offering protection to ensure their safety.

OSCE Office of the Special Representative and Co-ordinator for Combating Trafficking in Human Beings in 2014 produced the Handbook with recommendations for host states for actively preventing the exploitation of private domestic workers in the diplomatic households. In particular it is recommended to ensure the effective application of the Vienna Conventions and headquarters agreements of international organizations; increase awareness among foreign diplomatic missions and international organizations about their responsibility to comply with national regulations and laws; establish clear guidelines or regulations for employing private domestic workers in diplomatic households, including requirements that deter abuse; educate relevant ministries and authorities, especially the judiciary, about the scope and limits of immunity, as well as the option to request a waiver of immunity; inform private domestic workers about their rights, obligations, and available support services in the host country during the visa application process and upon arrival, including through group briefings or an in-person registration process; promote a collaborative, multidisciplinary approach for dispute resolution and working with NGOs or trade unions to support vulnerable and exploited workers; train law enforcement and judicial authorities on the specifics of diplomatic and consular immunities, including their limitations; implement a system to request waivers of immunity from sending states when immunity would otherwise prevent prosecution in serious cases of domestic worker abuse; providing awareness and clear employment guidelines to domestic diplomatic personnel on hiring private domestic workers ([Handbook, 2014](#)).

These guidelines are beneficial for equipping host states with practical tools to identify and curb potential exploitation. They emphasize preventive measures, such as informing domestic workers of their rights and supporting them through NGOs, and a collaborative approach among local organizations, NGOs, and labor unions to address disputes. However, these recommendations are not a full solution. Diplomatic immunity remains a significant barrier to prosecuting diplomats suspected of abuse, as immunity waivers depend on the sending state's cooperation, which is not always granted. Consequently, achieving true accountability requires broader international cooperation and commitment from both host and sending countries.

In the context of international legal efforts to combat domestic servitude, the UK Supreme Court's decision in *Basfar v. Wong* ([Basfar v. Wong, 2022](#)) is ground-breaking. This ruling represents a significant advancement in the protection of domestic workers employed by diplomats. Its impact is notable not only for the UK's legal system but also as a potential benchmark for the global community. The decision exemplifies a critical step toward balancing diplomatic privileges and immunities with the effective fight against human trafficking.

The circumstances of the case were as follows. Ms. Josephine Wong, a Philippine national, was employed as a domestic worker in the household of Mr. Khalid Basfar, a Saudi Arabian diplomat stationed in the United Kingdom. Ms. Wong alleges that she was trafficked and forced to work under conditions amounting to modern slavery after accompanying the Basfar family to the UK in August 2016. She claims she was confined to Mr. Basfar's residence except when taking out the trash, restricted from communicating freely, required to work daily from 7 a.m. to 11:30 p.m. without rest days, and subjected to degrading treatment. According to Ms. Wong, she received no payment for her work during her first seven months in the UK, received only a partial payment in July 2017, and then went unpaid until her escape in May 2018.

Ms. Wong filed a claim in an Employment Tribunal seeking unpaid wages and alleging breaches of employment rights. Mr. Basfar moved to dismiss the case, citing diplomatic immunity under Article 31 of the Vienna Convention 1961, which, as incorporated into UK law by the Diplomatic Privileges Act 1964, generally grants diplomats immunity from both criminal and civil jurisdiction. However, the Convention provides an exception for civil claims related to any “professional or commercial activity” conducted outside official functions.

The Employment Tribunal initially rejected Mr. Basfar's application to dismiss the case. However, the Employment Appeal Tribunal reversed this decision, allowing an appeal to the Supreme Court without requiring a hearing in the Court of Appeal. The Supreme Court subsequently granted permission to hear the appeal. The central issue was whether the alleged conduct constitutes a "commercial activity" outside Mr. Basfar's official duties, thus exempting it from diplomatic immunity.

In a majority decision (three to two), the UK Supreme Court allowed the appeal, ruling that if the alleged facts are proven, Mr. Basfar does not have diplomatic immunity regarding the claim.

Court underlined, that diplomatic immunity is a key principle in both national and international law, ensuring the efficient functioning of diplomatic missions. Article 31 of the Vienna Convention on Diplomatic Relations provides limited exceptions to immunity, one of which concerns "commercial activity." Additionally, Article 42 stipulates that diplomatic agent "shall not in the receiving State practice any professional or commercial activity for personal profit." The Convention's text should be interpreted in line with the principles of the Vienna Convention on the Law of Treaties, which mandates that treaties be interpreted in good faith, considering their purpose and context.

Diplomatic immunity does not extend to everyday private matters, including personal purchases, but judges rejected Basfar's claim that the exploitation of a domestic worker could be equated with standard employment. Modern slavery cannot be compared to voluntary employment, which is based on freedom of choice, whereas forced labor is characterized by coercion and victim control.

Based on the assumed facts, the control Mr. Basfar exerted over Ms. Wong was so severe and coercive that it placed her in conditions of domestic servitude. Further, as the Court noted, Mr. Basfar gained substantial financial benefit from withholding wages, qualifying his actions as a "commercial activity" for personal profit.

The Court emphasized that key criteria for distinguishing between typical employment arrangements and exploitation that falls within the "commercial activity" exception are forced labor, slavery, and human trafficking, as recognized in international law and often grouped under the term "modern slavery." This case, based on the assumed facts, falls into all these categories.

The Court also rejected the argument that allowing Ms. Wong's claim might lead to retaliatory measures against British diplomats abroad. Such a risk, the Court held, is unlikely and should not influence the interpretation of "commercial activity." Ultimately, the Court ruled that if Ms. Wong's allegations are proven, Mr. Basfar would not be immune from the jurisdiction of UK courts ([Basfar v. Wong, 2022](#)).

The *Basfar v Wong* case represents a significant legal milestone in addressing domestic servitude within diplomatic households. In this case, the UK Supreme Court ruled that if the alleged facts of modern slavery were proven, Mr. Basfar, a Saudi diplomat, would not enjoy diplomatic immunity against a civil claim brought by Ms. Wong, his domestic worker. This ruling is crucial in the broader fight against human trafficking and domestic servitude by sending a clear message that diplomats are not shielded from responsibility for exploiting individuals within their households. It challenges a long-standing perception that diplomatic immunity serves as an inviolable barrier in cases involving domestic worker abuse, setting a new precedent in the UK and potentially influencing international approaches to such cases.

A primary focus of the *Basfar v Wong* decision lies in interpreting the scope of "commercial activity" within the Vienna Convention 1961. Under Article 31, diplomats are generally immune from civil jurisdiction in the host country, but there is an exception for "commercial activity" conducted outside official functions. The Court's majority held that the systematic exploitation of a domestic worker could indeed constitute "commercial activity," especially when such exploitation results in substantial personal financial gain for the diplomat. This interpretation marks a departure from earlier rulings, where employing domestic staff was seen as incidental to personal life and thus protected by immunity. By identifying forced labor and financial exploitation as factors that could qualify as "commercial activity," the Supreme Court expanded the interpretation of exceptions to diplomatic immunity in a way that prioritizes human rights protections over blanket immunity in cases of severe abuse.

This ruling has potential far-reaching implications. First, it establishes a path for domestic workers to bring civil claims against diplomats in the UK, even when the diplomats' countries

refuse to waive immunity. Second, it could pressure diplomatic missions to adhere to ethical employment practices, as diplomats now face potential civil liability if they exploit workers in conditions resembling forced labor or domestic servitude. Furthermore, this decision may encourage other jurisdictions to adopt similar interpretations, fostering a broader global shift toward accountability for human rights abuses within diplomatic households.

By narrowing the scope of immunity in cases of domestic servitude, the *Basfar v Wong* decision not only strengthens the legal recourse available to abused workers but also emphasizes the importance of enforcing protections against exploitation under international human rights principles. Ultimately, this case sends a strong message to diplomatic missions worldwide: abuse of domestic workers, especially in forms that parallel modern slavery, will not be protected by diplomatic status.

5. Conclusion

Balancing between respect for diplomatic privileges and the need to ensure law and order is a complex task that requires constant dialogue and cooperation between states. In a world where global challenges are constantly evolving, mechanisms to prevent the abuse of diplomatic privileges must also adapt. The international community continues to debate how to ensure that these privileges are not abused while maintaining the functional needs of diplomatic missions.

Diplomatic immunity, while essential for the effective functioning of international relations, often shields diplomats from prosecution for offenses committed in their private lives, including the exploitation of domestic workers. Such cases are particularly challenging to detect and address due to the inviolability of diplomatic residences and the isolation of victims, who often face language barriers, fear of retaliation, and dependency on employers for legal residency. Addressing this issue is critical to ensuring that diplomatic privileges do not become tools for abuse.

Host states encounter multiple obstacles in responding to cases of forced labor and trafficking within diplomatic settings. Despite international obligations to combat trafficking and protect human rights, the practical application of these laws is complicated by diplomatic immunity. Even in cases where exploitation is apparent, the process of pursuing justice is hindered by the necessity of a waiver from the diplomat's home country, a step that is rarely taken. Consequently, host countries often resort to indirect measures, such as declaring the offending diplomat *persona non grata* or issuing formal diplomatic protests. Although such actions allow for the removal of the diplomat, they fall short of delivering justice to the victims or holding perpetrators fully accountable.

To address these challenges, host states can adopt several proactive measures to better protect domestic workers in diplomatic households. Recommendations from international bodies, such as the OSCE, include enhancing awareness of diplomatic missions regarding local laws on employment practices, educating domestic workers about their rights, and developing clear guidelines for employing domestic staff within diplomatic residences. Additionally, collaboration with non-governmental organizations can provide critical support to domestic workers, offering legal assistance, shelter, and access to justice mechanisms. Such efforts, while unable to fully resolve the limitations posed by diplomatic immunity, establish a framework for minimizing abuses and supporting vulnerable workers.

The *Basfar v Wong* decision by the UK Supreme Court marks a pivotal step forward in addressing the tension between diplomatic immunity and accountability for human rights abuses. By interpreting the systematic exploitation of a domestic worker as a “commercial activity,” the Court has redefined the boundaries of diplomatic immunity to include exceptions for severe exploitation and modern slavery. This ruling sends a strong message that diplomatic privileges cannot be exploited to justify or conceal such abuses, establishing a precedent for other jurisdictions to follow. It opens the door for domestic workers to seek justice against diplomats, even when immunity has historically prevented such claims.

In essence, the *Basfar v Wong* decision not only sets a new legal standard within the UK but also resonates as a potential catalyst for global reform. It aligns with international human rights principles, reinforcing that the protection of vulnerable individuals must take precedence over diplomatic immunity in cases of severe exploitation. As a landmark ruling, it provides both legal and moral support to the growing call for accountability within diplomatic settings, setting a significant precedent for balancing diplomatic privileges with fundamental human rights protections.

6. Acknowledgments

The research reported in this paper was produced as part of the project ‘Social solidarity mechanisms in crisis: historical experience and modern challenges’ (0123U101851) with support from Ukraine’s Ministry of Education and Science.

References

- Bargent, 2024** – *Bargent, J.* (2024) Ecuador Raid on Mexico Embassy Risks Support for Security Plans. *InSight Crime*. April 9. [Electronic resource] URL: <https://insightcrime.org/news/ecuador-raid-mexico-embassy-risks-support-security-plans/>
- Basfar v. Wong, 2022** – *Basfar v. Wong.* (2022). UKSC 20. On appeal from: UKEAT/0223/19/BA Judgment Given on 6 July 2022. [Electronic resource] URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/case-law-doc/traffickingpersons/crimetype/gbr/2022/basfar_v_wong_2022_uksc_20_html/uksc-2020-0155-judgment.pdf
- Convention, 1926** – Slavery Convention. Signed at Geneva on 25 September 1926. United Nations. The Office of the High Commissioner for Human Rights. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/slavery-convention>
- Convention, 1930** – Forced Labour Convention (No. 29). Geneva, 14th ILO session (28 Jun 1930) [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C029#A1
- Convention, 1957** – Abolition of Forced Labour Convention. (No. 105) Geneva, 40th ILO session (5 Jun 1957) [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:55:0::55:P55_TYPE,P55_LANG,P55_DOCUMENT,P55_NODE:CON,en,C105,/Document#A9
- Convention, 2000** – United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, 15 November 2000. [Electronic resource]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-12&chapter=18&clang=_en
- Declaration, 1948** – The Universal Declaration of Human Rights. Proclaimed by the United Nations General Assembly in Paris on 10 December 1948 (General Assembly resolution 217 A). [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>
- Fisman, Miguel, 2006** – *Fisman, R, Miguel, E.* (2006). Cultures of Corruption: Evidence From Diplomatic Parking Tickets. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 12312. June 2006. [Electronic resource] URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w12312/w12312.pdf
- General Act, 1890** – Slave Trade and Importation into Africa of Firearms, Ammunition, and Spirituous Liquors (General Act of Brussels). General act signed at Brussels July 2, 1890 [Electronic resource] URL: <https://maint.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust00001-0134.pdf>
- Global Initiative, 2017** – The Global Initiative against Transnational Organized Crime. Diplomats and Deceit – North Korea’s Criminal Activities in Africa. September 2017. [Electronic resource]. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2017/09/TGIATOC-Diplomats-and-Deceit-DPRK-Report-1868-web.pdf>
- Handbook, 2012** – The Oxford Handbook of the History of International Law. Edited by Bardo Fassbender, Anne Peters, Simone Peter, and Assistant editor Daniel Högger. Oxford University Press, 2012. 1280 p.
- Handbook, 2014** – How to prevent human trafficking for domestic servitude in diplomatic households and protect private domestic workers. Published by the OSCE Office of the Special Representative and Co-ordinator for Combating Trafficking in Human Beings. [Electronic resource] URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/c/126303.pdf>
- Higgins, 1985** – *Higgins, R.* (1985) The Abuse of Diplomatic Privileges and Immunities: Recent United Kingdom Experience. *The American Journal of International Law*. 79(3): 641-651. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.2307/2201891>.
- ICJ, 2024a** – Embassy of Mexico in Quito (Mexico v. Ecuador). International Court of Justice. [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/case/194>
- ICJ, 2024b** – Ecuador institutes proceedings against Mexico. International Court of Justice. [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/node/203971>
- Nikolova-Marković, Baltezarević, 2020** – *Nikolova-Marković A. and Baltezarević V.* (2020). The abuse of diplomatic immunity and privileges as a modern security-diplomatic challenge.

Megatrend revija: međunarodni č. [Electronic resource]. URL: *asopis za primenjenu ekonomiju*. 17(4): 7-16. DOI: <https://doi.org/10.5937/MegRev2004007N>

Palermo Protocol, 2000 – Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, 15 November 2000. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-prevent-suppress-and-punish-trafficking-persons>

Presse, 2015 – *Presse, A.F.* (2015). Nepal presses India for 'justice' in Saudi Arabian diplomat's rape probe. *The Himalayan Times*. September 18. [Electronic resource]. URL: <https://thehimalayantimes.com/nepal/nepal-presses-india-for-justice-in-saudi-arabian-diplomats-rape-probe>

Reyes v. Al-Malki, 2017 – *Reyes v. Al-Malki and another*. UKSC 61. On appeal from: [2015] EWCA Civ 32. Judgment Given on 18 October 2017. [Electronic resource]. URL: https://sherloc.unodc.org/cld/en/case-law-doc/traffickingpersons/crimetype/gbr/2017/reyes_v._al-malki_and_another.html

SDGs, 2015 – What are the Sustainable Development Goals? [Electronic resource]. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals>

Supplementary Convention, 1956 – Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery. Adopted on 07 September 1956 by the Conference of Plenipotentiaries convened by Economic and Social Council resolution 608(XXI) of 30 April 1956 and done at Geneva. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/supplementary-convention-abolition-slavery-slave-trade-and>

The Guardian, 2016 – A fine mess: how diplomats get away without paying parking tickets. *The Guardian*. 2016. September, 23. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2016/sep/23/fine-diplomats-not-paying-parking-tickets>

Värk, 2003 – *Värk, R.* (2023). Personal Inviolability and Diplomatic Immunity in Respect of Serious Crimes. *Juridica International*. VIII: 110-119.

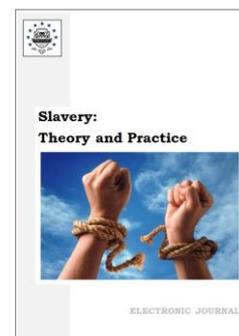
Vienna Convention, 1961 – The Vienna Convention on Diplomatic Relations of 1961. Done at Vienna on 18 April 1961. *United Nations, Treaty Series*. Vol. 500. P. 95. [Electronic resource]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/9_1_1961.pdf

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Slavery: Theory and Practice
Issued since 2016.
E-ISSN: 2500-3755
2024. 9(1): 59-60

DOI: 10.13187/slave.2024.1.59
<https://stp.cherkasgu.press>

Letters to the Editorial Office

About the Results of the 5th International Competition “Slavery in the past and present”

Alexander A. Cherkas ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

On July 10, 2020, the annual international competition for the best research work “Slavery in the past and present” was established. The founders of the competition were the East European Historical Society, Cherkas Global University (Washington, USA), as well as the Centre for Behaviour and Wellness Advocacy (Ghana, Africa). In 2021–2023, the Second, Third and Fourth similar competitions were held, and on February 14, 2024, the 5th International Competition was announced. On December 2, 2024, the International day for the abolition of slavery, the expert commission of the competition summed up its work and selected the 5 best works. The winners represented countries such as the USA, Russia, Ukraine and Georgia. The works of the winners are published in the journal “Slavery: Theory and Practice” for 2024.

Keywords: The 5th international competition, the best scientific work, the history of slavery, “Slavery in the past and present”, 2024.

The international competition “Slavery in the past and present” was established on July 10, 2020 and was held for the first time in the same year (Cherkas Global..., 2022: 164). The purpose of this competition was an attempt to attract the attention of the world scientific and pedagogical community to the history of slavery in the world, and on the African and Eurasian continents, in particular.

So, on July 10, 2020, the First (annual) competition “Slavery in the past and present” was announced. The prize fund of the competition will amount to 2,250 US dollars. Initially, the organizing committee of the competition was supposed to award three winners: first place – \$ 100, second place – \$ 750 and third place – \$ 500 (Cherkas Global..., 2022: 166). However, by the end of the competition on November 15, 2020, a significant number of works highly appreciated by the expert commission had been submitted. As a result, it was decided to divide the prize fund of the Competition in equal parts among the five best works. The same principle was applied when evaluating the works of the Second Competition, which took place between February 14 and October 23, 2021 (Cherkas Global..., 2022: 167), as well as the Third and Fourth annual competitions.

On February 14, 2024, the 5th (annual) international scientific research competition “Slavery in the past and present” was announced. The founders, as in the last time (2020), were the

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

East European Historical Society, the Cherkas Global University (Washington, USA), as well as KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana).

The prize fund of the contest remained unchanged – \$ 2,250.

Summing up the results of the competition was timed to December 2, 2024 (this day is the international day for the abolition of slavery and has been celebrated since 1949).

So, according to protocol, the works from the following countries were submitted to the competition: USA, Ukraine, Georgia and Russian Federation.

The commission for summing up the results of the competition selected the five best works, with a cash prize of \$ 450 each. The following works were selected among the best:

– A.Yu. Peretyatko (USA). Russian Empire subjects in the Emirate of Bukhara and the failed visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the purpose of their returning (1813);

– V.M. Zavhorodnia (Ukraine). Human Rights Abuses Under Diplomatic Protection: The Issue of Modern Slavery and Forced Labor;

– A.M. Mamadaliev (Russian Federation). Maikl Khamil'ton Dzheimson (1924–2004 years): Biographical Touches for the 100th Anniversary of His Birth;

– S.N. Gonta (Russian Federation). Comparative analysis of the trans-Atlantic and trans-Saharan slave trade;

– I. Koshkin (USA). June 19 – “Slave Liberation Day”: A Historical Essay on the 160th Anniversary of the Abolition of Slavery in the United States.

References

[Cherkas Global..., 2022](#) – Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents. Los Angeles, Washington DC, 2022.